

Литература

1 ЧАСТЬ

*Утвержден Министерством народного образования
Республики Узбекистан*

УДК 821.161.1(075)
ББК 83.3 (Рус.)я721
В 18

Группа авторов:

**И.П. ВАРФОЛОМЕЕВ, Н.М. МИРКУРБАНОВ,
Н.А. ЧЕКУЛИНА, Н.Ф. БОЯРСКАЯ**

Рецензенты

Д. Джураев — кандидат педагогических наук, начальник отдела
переподготовки педагогических кадров УзГУМЯ
Д. Мирахмедова — преподаватель кафедры русской литературы и
методики обучения УзГУМЯ

**Издано за счет средств Республиканского
целевого книжного фонда**

ISBN 978-9943-01-538-8

© И.П. Варфоломеев и др., 2000–2019
© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2000–2019

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература — это один из основных видов искусства — искусство слова. Кино, театр, телевидение, живопись и музыка — постоянные спутники современного человека, но особое место предназначено в этом ряду все же художественной литературе. Она является не только источником знаний, но и формирует мировоззренческие позиции личности, способствует нравственному и духовному обогащению общества. Художественная литература, так же как и другие виды искусств, доставляет нам радость и ощущение полноты жизни. Вместе с тем, литературные произведения незаметно и исподволь пополняют наши знания, способствуют формированию характера, взглядов на жизнь, помогают увидеть и понять безграничные красоты многообразной природы, учат добру и светлому восприятию жизни.

Но в отличие от других видов искусства, которые воздействуют на чувства человека, используя для этого материальные предметы или действия (например, скульптор использует камень, а живописец — краски, танцор — движения тела, а музыкант — звучание струны), литература создает свою форму из слов, из языка, который, имея материальное воплощение (звук, буква), постигается не чувствами, прежде всего, а умом, т.е. интеллектуальным пониманием.

Настоящая литература — не просто средство развлечения, а форма выражения мысли. Поэтому нередко литературу называют «художественным исследованием мира» или «человековедением». Однако необходимо

помнить, что художественная литература — это не научный трактат или философское исследование, а прежде всего произведение искусства. Писатель, используя выразительно-изобразительные средства, живописует мир вокруг себя. Он проникается земными человеческими заботами, тревогами и радостями, а затем, пропустив все это через призму своего сознания, стремится создать целостную картину, свой особый взгляд на мир. А возможно и совершенно новый мир. Самые сокровенные думы и переживания, сложные характеры людей и драматические отношения между ними подвластны писателям и поэтам, оружие которых — художественные образы.

Художественным образом называется картина жизни, изображенная писателем, проникнутая его мыслями, чувствами и переживаниями. При этом картина жизни всегда не точная копия действительности, ибо писатель — не копиист, а творец. Он повествует не только о том, что и как было, а рисует и возможное, но не случившееся, создает образы и картины, иногда не соответствующие реальной жизни. Например, в баснях, сказках, своеобразно, необычно отображающих действительность в фантастических картинах, писатель иносказательно отражает нравственные, моральные человеческие ценности, осуждает или высмеивает пороки людей и общества, дает свою оценку явлениям и фактам реальной жизни.

Изучая литературу, вы увидите, как писатели «переплавляли материал действительности в чистое золото искусства». Очень точно показал работу творца искусства — писателя, поэта, живописца — известный русский прозаик Константин Паустовский: «Каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутивая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца — все это крупинки золотой пыли, — писал он. — Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом

выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму».

Совокупность литературных произведений, созданных на определенном языке или в определенных государственных границах, составляет ту или иную национальную литературу, в свою очередь, взятые вместе в их возрастающем взаимовлиянии национальные литературы образуют мировую, или всемирную литературу.

Золотой фонд всемирной литературы, куда вошли лучшие образцы художественных произведений всех народов, является общепризнанным культурным и духовным достоянием человечества. Великие писатели уже давно перешагнули границы своей страны, стали близкими и понятными для всех народов планеты Земля. Газели, рубайи, поэмы Алишера Навои в той же мере волнуют и радуют российского читателя, в какой волнует и радует творческое наследие Александра Пушкина узбека, жителя солнечного Узбекистана. Подтверждение этому находим в золоченых строках стихотворения талантливейшего узбекского поэта Хамида Алимджана, который, говоря о России, был убежден, что:

В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

Фольклорные сказания о Тахире и Зухре, героический эпос «Алпамыш» полноправно заняли свои места рядом с эпосом германских народов о Нибелунгах и средневековым европейским сказанием о любви Тристана и Изольды. Пожалуй, нет в мире человека, который не сострадал бы трагическим героям Шекспира и не разделил бы печаль Мухаммада Захириддина Бабура, тоскующего среди сказочных красот Индии по родным его сердцу долинам Ферганы. Все сокровища мировой литературы хранятся в книгах и передают любознательным читателям искреннюю радость и пронзительную боль давно ушедших поколений. Книги

не только рассказывают, но и советуют. Много лет назад поэтесса Анна Ахматова признавалась, что по книгам:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Пройдут годы учебы в школе и вам, сегодняшним ученикам, предстоит выбирать направление в жизни, то есть снова учиться, осваивая сложности и тонкости выбранной вами профессии. И тогда знания, полученные в стенах школы, станут вашей опорой в этой многотрудной работе — в освоении новых знаний и приобретении делового и житейского опыта. Мы надеемся, что творчество великих художников слова, представленное в данном учебнике, станет вам близко и понятно. Как понятно то, что каждый порядочный человек должен служить добру и ощущать каждодневно великую ответственность перед страной и народом за ее настоящее и будущее, чтобы мог вслед за народным поэтом Узбекистана Абдуллой Ариповым повторить:

Я жив твоей тревогой, болью, страстью,
И мне не надо в жизни ничего.
Пусть никогда твое не меркнет счастье,
Неотделимое от моего!

Глава 1. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

**История не терпит суесловия,
трудна ее народная стезя...**

Я. Смеляков

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, говорившиеся нараспев, под звон струн, о славных подвигах богатырей, защитников земли народа; героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Изустная литература — достоинство и разум народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов...

...Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сиживали по вечерам при восковой свече над книгами, а иные, как неистовый протопоп Аввакум, — в яме, в Пустозерске, и размышляли о правде человеческой и записывали уставом и полууставом¹ мысли свои. Недаром буйная казачья вольница разметывала переизбыток своих сил в набегах и битвах, недаром старушки-задворенки² и бродящие меж дворов старички за ночлег и ломоть хлеба рассказывали волшебные сказки. Вся широкая, творческая, страстная, взыскующая душа

¹ *Устав и полуустав* — типы почерков древних славянских рукописей.

² *Старушки-задворенки* — ходившие по дворам, по гостям, сообщавшие мудрость народную.

народа русского нашла отражение в нашем искусстве XIX века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки...

По А. Толстому

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Исторические песни — это устные стихотворные произведения хорового исполнения. Историческая песня зародилась в древности. Далекое прошлое Руси отражено в песнях «Авдотья Рязаночка», «Разин на море», «Щелкан Дуденьевич».

Исторические песни XVI века разнообразны по тематике, но главной в них была идея единства Русской земли, укрепление централизованного государства. Об Иване Грозном был создан цикл песен «Среди было Казанского царства...», «Вы, молоды ребята, послушайте...», «Поизволил наш царь-государь...», «Не сине-то море колыбается...», «Как у нас было в каменной Москве», «Ой да, не быстра речушка шумит...», «Уж ты светлое наше красно солнышко...». Исторические песни о Ермаке «Как на Волге-реке, да на Камышенке», «Во славном понизовом городе Астрахани...», «Что пониже было города Саратова...», «Как на славных на степях было Саратовских».

В исторических песнях XVII века о Борисе Годунове и царевиче Дмитрие, о Ксении Годуновой, о Гришке Отрепьеве, о попе Емеле отражены исторические события Смутного времени. Вторая половина века отражена в песнях о Василии Шуйском, о Прокофии Ляпунове, о Минине и Пожарском, об избрании Михаила Федоровича Романова, о походе царя Михаила на Астрахань. Уже из названия песен понятно, о чем будет рассказано в песне: «Убили, убили царевича в Угличе» (про царевича Дмитрия), «Сплachtetца мала птичка...» (о Ксении Годуновой), «Как в старом-то было городе» (о Минине и Пожарском; освобождение Москвы).

Во второй половине XVII века вспыхнуло восстание под руководством Степана Разина. В это время выявляется поэтическое своеобразие исторической песни как жанра. Становится очевидной песенная лирическая основа исторической песни. Степан Разин в песнях уподоблен «удалому» молодцу, бежавшему от царя в дремучие леса, в его образе воплотились представления о мужской силе и красоте. В песнях много эпитетов¹, они подчеркивают веру простого народа в Степана Разина. В этих песнях соединился поэтический язык народной лирики и исторической песенной поэзии.

Исторические песни XVIII века прославляли Петра I, его военные походы. С XVIII века солдатская историческая песня становится ведущей в русской исторической песенной поэзии. События петровского времени отражены в песнях: «Ах, бедные головушки солдатские...», «Ах, по морю, морю синему», «Собирается православный царь...». Военные походы России отражены в песнях «Взятие Хотина», «Суворов-князь».

Песни о Крестьянской войне под предводительством Пугачева составили цикл с разнообразной тематикой: «Уж ты, ворон сизокрылый...», «Емельян ты наш, родной батюшка!».

В исторических песнях XIX века нашло отражение событие чрезвычайной важности — Отечественная война 1812 года. В войну были ввергнуты крестьянские массы, и это послужило поводом для создания народных песен. Песни этого периода отличаются конкретностью описания событий, изображением действительных участников битв. В песнях прославляются полководцы и простые солдаты, партизаны: «От своих чистых сердец», «Как заплакала Россиюшка от француза...», «Наполеон-то, Наполеон шел на Россию воевать». В период развития в России капитализма песни рассказывали о рабочих, старателях, фабрикантах. В песнях нашли отражение жестокие и кровопролитные войны, которые Россия вела

¹ *Эпитет* — авторское художественное красочное определение.

со своими соседями. Эти песни несут в себе народную оценку событий и скорбь по погибшим в боях воинам.

В начале XX века широкое распространение получили рабочие песни: «Сестрорецкий оружейный завод», «Камаринская Саввы Морозова».

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Среди было Казанского царства,
Что стояли белокаменны палаты.
А из спальни белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробуждалася.
Царица Елена Симеону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалось,
В сновиденьице много виделось:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский,
А Иван сударь Васильевич, прозоритель¹,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку, под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство.
Воску ярого² свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча-то сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.

¹ *Прозритель* — т.е. провидец, народное прозвище Ивана IV Грозного.

² *Воску ярого* — обладающая интенсивным горением свеча.

Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозоритель,
И зачал канонеров¹ тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом;
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана сударь Васильевича,
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами;
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду²,
Он царский костыль в руки принял.

¹ *Канонеры* — артиллеристы, подрывники.

² *Перфида* — знак царской власти.

И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему воины зажгли две свечи – одну в подземелье, рядом с пороховыми бочками, а другую на поверхности земли?

2. Перескажите вещий сон царицы Елены, выделите при этом роковое предсказание ее сна.

3. Что сделал царь Иван IV с казанским царем Симеоном за его гордость?

4. Великодушен ли был царь Иван IV к царице казанской Елене, которая встречала его хлебом-солью?

Глава 2. ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Житийная литература

К концу XV века завершилось объединение Северо-Восточной Руси вокруг Великого Московского княжества. Появилось новое сословие – дворянство; крепили торговля, ремесла. Русь утверждала и свою религиозную самостоятельность. Житийная литература этому способствовала, укрепляла княжескую и духовную власть в феодальном строе молодой Руси. В ряде произведений житийной литературы прославлялась личность князя. Утверждалась мысль о его божественной миссии – властелина. Одно из первых произведений житийной литературы – «Сказание о Борисе и Глебе» (XI–XII века). Позже появляются «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского», «Житие Сергия Радонежского» и многие другие.

Церковь заявляла о себе борьбой различных религиозных группировок. Идеологом духовенства крупных церковных феодалов выступил Иосиф Волоцкий, который ставил своей целью укрепить на Руси монашество. Он создает монастырский Устав; на соборе 1503 г. решался

вопрос о монастырском землевладении. Нил Сорский требовал, чтобы у монастырей не было сел, а были бы «черныцы по пустыням». И. Волоцкий доказывал обратное: монастыри – крупные землевладельцы, села и угодья должны принадлежать монастырям. Собор поддержал Волоцкого. В 1589 г. было установлено патриаршество. Патриарх был главой всех церковных организаций и имел большое влияние на светскую (царскую) власть. В 1649 г. был создан Монастырский приказ, в котором государство стремилось подчинить себе церковь. Встал вопрос о проведении церковной реформы.

На Руси был кружок «ревнителей древнего благочестия»: Никон – архимандрит Новоспасский, Иван Неронов – протопоп Казанского собора, Федор Иванов – дьякон Благовещенского собора; провинциальные протопопы: Аввакум, Даниил, Логгин. Они хотели поднять нравственный уровень духовенства, внедрить в церковную практику проповеди на основании русских рукописей, следовать постановлениям Стоглавого собора.

В 1652 г. патриархом стал Никон. Он разослал по монастырям и соборам «Память», в которой требовал следовать обрядам греческой церкви (поясные поклоны, троеперстие). Церковь была подчинена светской власти.

Аввакум

На Руси против Никона поднялось движение старообрядчества, идеологом которого стал протопоп Аввакум. Родился Аввакум в 1620 году, в селе Григорове Нижегородской области. Мать женила Аввакума на сироте Настасье Марковне, всю жизнь поддерживавшей своего мужа: «И, видя меня печальным, – сообщает Аввакум в «Житии», – протопопица моя приступала ко мне с осторожностью и сказала мне: «Что ты, господин мой, опечалился?». Я же ей подробно сообщил: «Жена, что делать? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? Связали вы меня!». Она же мне говорит: «Господи помилуй! Что ты, Петрович, говоришь?

Слыхала я – ты же (сам) читал – апостольскую речь: «Если ты связан с женой, не ищи разрешения; когда отретишься, тогда не ищи жены!». Я тебя вместе с детьми благославляю: дерзай проповедовать слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи».

Протопоп Аввакум и в жизни, и в житии – личность, одержимая идеей: «Долго ли мука эта, протопоп, продолжаться будет?». И я говорю: «Марковна, до самой смерти!». Духовная спутница мужа Настасья – сильная, волевая натура; она и любящая мать, и преданная жена Аввакума, который и в земляной тюрьме сохраняет самообладание, руководит единомышленниками, пишет «Житие протопопа Аввакума» – исповедь человека справедливого, убежденного в правоте своего дела. Он был сослан с семьей в 1653 г. на десять лет в Тобольск, потом – в Даурию. В 1663 г. возвращен в Москву, однако не смиряется и продолжает борьбу с официальной церковью, за что вновь в 1664 г. был сослан в Мезень. Аввакум написал 80 сочинений. 14 апреля 1682 года его сожгли.

ИЗ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОГО»

(Отрывки)

«Житие протопопа Аввакума...» – одно из самых замечательных произведений русской литературы XVII в. Написано Аввакумом около 1672–1673 гг. в Пустозерске, где глава раскольников-старообрядцев находился в заключении.

Мы помещаем несколько отрывков из «Жития», заменив лишь некоторые непонятные учащимся слова и выражения, а также отдельные архаические конструкции, на более доступные их пониманию.

Ссылка в Сибирь

Потом послали меня в Сибирь с женою и детьми. И сколько дорогою лишений было, обо всем том долго говорить, разве о малой части упомянуть.

Протопопица младенца родила; (так) больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысячи верст недель тринадцать тащились на телегах и по воде, и санями половину пути.

Архиепископ в Тобольске на место устроил меня. Тут, при церкви, великие беды постигли меня: за полтора года пять раз «слово государево» сказывали на меня¹, а архиепископского двора некий дьяк Иван Струна тот и душу из меня вытряс. Уехал архиепископ в Москву, а дьяк без него, по дьявольскому внушению, напал на меня: церкви моей дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, убежал от него и прибежал в церковь ко мне.

Тот же Струна Иван, собрав людей, однажды пришел ко мне в церковь — а я вечерню пою — вскочил в церковь, ухватил Антона на клиросе² за бороду. А я в то время двери церковные затворил и замкнул и никого не пустил — один он, Струна, в церкви вертится, как бес. А я, прервав вечерню, с Антоном посадил его среди церкви на полу и за церковный мятеж выстегал его ремнем, довольно-таки сильно; а остальные, человек двадцать, все разбежались, гонимые духом святым. И, покаяние от Струны приняв, опять отпустил его к себе. Родственники же Струны, попы и монахи, весь город подняли, чтобы меня как-нибудь погубить.

И в полночь привезли сани к двору моему, ломились в избу, горя желанием меня взять и топить везти. И божьим страхом были отогнаны и отступили. Мучился я с месяц, прячась от них: то в церкви ночую, то к воеводе уйду, а то в тюрьму просился — так не пускали. Провожал меня часто Матвей Ломков, которого Митрофаном звали в монашестве, — он после, в Москве, у Павла-митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афанасьем меня расстригал³, прежде добрым был, а ныне дьявол его поглотил.

¹ «Слово и дело государево» — официальная формулировка, обозначающая: доноситель.

² Клирос — место для певчих в церкви.

³ Расстричь — снять со служителя культа его духовный сан.

Потом приехал архиепископ из Москвы и, справедливо обвинив его, Струну, на цепь посадил за это: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав мужика, отпустил (его). И владыка его заковать приказал и о моем деле тут же помянул...

После этого указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену везти за то, что браню от писания и укоряю ересь Никонову...

Потом сел (я) опять на корабль свой... (и) поехал на Лену. А как приехал в Енисейский, другой указ пришел: велено в Даурию везти — более 20 тысяч (верст) от Москвы будет. И отдали меня Афанасию Пашкову в полк, людей с ним было 600 человек; и, за грехи мои, суровый (был он) человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет, и я его долго уговаривал, да и сам в руки (его) попал. А из Москвы Никоном было приказано ему мучить меня.

Когда поехали из Енисейска, то на Большой Тунгуске-реке в воду во время бури погрузило дощаник¹ мой совсем; наполнился (он) среди реки водою, и парус изорвало — одна палуба над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на палубу из воды ребят кое-как повытаскивала, простоволосая ходит². А я на небо гляжу, кричу: «Господи, спаси, господи, помоги!». И божьего волею прибило нас к берегу. Долго о том рассказывать! На другом дощанике двух человек сорвало, и они утонули. Потом оправились мы на берегу и опять поехали вперед.

Когда приехали на Шаманский порог, навстречу нам приплыли иные люди, а с ними две вдовы — одной лет 60, а другой и больше: плывут постричься в монастырь. А он, Пашков, стал их возвращать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По закону нельзя таких замуж выдавать». И он вместо того, чтоб послушать меня, вдов отпустить, вздумал мучить меня, осердясь. На другом,

¹ *Дощаник* — парусная лодка.

² *Простоволосая* — т.е. без платка. В те времена женщина не имела права ходить с непокрытой головой.

Долгом, пороге стал он меня из дощаника выгонять: «Иза тебя-де дощаник плохо идет! Еретик-де ты! Поди же по горам, а с казаками не ходи!».

Вот горе настало! Горы высокие, дебри непроходимые; утес каменный, как стена, стоит, и поглядеть (на вершину) разве заломив голову!

В горах тех живут змеи огромные; там же летают гуси и утки красноперые, вороны черные, галки серые; в тех же горах орлы и соколы, и коршуны, и курята индейские, и пеликаны, и лебеди, и других диких птиц разных многое множество.

На тех горах бродят звери многие дикие: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — глазами видим, а взять нельзя.

На те горы и выгонял меня Пашков, со зверями, со змеями и с птицами скитаться. И я ему небольшое посланьице написал, так начав: «Человек! Побойся бога, сидящего среди херувимов и видящего в безднах, перед ним же трепещут силы небесные и вся тварь (вместе) с человеком, один ты это отвергаешь и строптивость показываешь» — и прочее (там многонько написано) и послал к нему. А вот бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощаник и помчались к нему, — (я) верстах в трех от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; они, бедные, и едят, и дрожат, а иные, глядя на меня, плачут, меня жалеючи...

Возвращение из сибирской ссылки

Потом с Нерчи-реки опять назад возвратились на Русь. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне для ребят и для пожитков дал (воевода) двух клячек; а сам я и протопопица брели пешком, разбиваясь об лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеваем, голодные и истомленные люди. Протопопица бедная бредет, бредет да и свалится — скользко очень.

[Прибыв в «русские города», Аввакум узнал, что церковь, верным сыном которой он себя считал, не преуспевает.]

Опечалившись, сажу, рассуждаю: «Что (мне) делать? Проповедовать ли слово божие или скрыться где-нибудь?». Потому что жена и дети связали меня. И, видя меня печальным, протопопица моя приступила ко мне с осторожностью и сказала мне: «Что ты, господин мой, опечалился?». Я же ей подробно сообщил: «Жена, что делать? Зима еретическая на дворе; говорить мне или молчать? — Связали вы меня!».

Она же мне говорит: «Господи помилуй! Что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я — ты же (сам) читал — апостольскую речь: «Если ты связан с женой, не ищи разрешения; когда отретишься, тогда не ищи жены!». Я тебя вместе с детьми благословляю: дерзай проповедовать слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; пока бог хочет, будем жить вместе, а если разлучат, тогда нас в молитвах своих «не забывай; силен Христос, и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудни еретические!».

Я ей за то бил челом¹ и, стряхнув с себя печальное ослепление, стал по-прежнему слово божие проповедовать и поучать по городам и весям, а еще и ересь никонианскую с дерзновением обличал... Долго о том говорить!..

Прибытие в Москву

Потом в Москву приехал, и, как ангела божия, принял меня государь и бояре — все мне рады. К Федору Ртишеву зашел, он сам из дому выскочил ко мне: принял благословение от меня, и начали мы говорить долго-долго — три дня и три ночи домой меня не отпускал и потом царя обо мне известил.

Государь меня тотчас к руке допустить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли-де, протопоп, живешь?.. Еще-де увидеться бог велел!».

¹ *Бить челом* — т.е. кланяться, просить о чем-либо.

И я руку его поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит Бог!».

Он же, миленький, вздохнул да и пошел, куда надобно (было) ему. И другое кое-что было, да что долго говорить — прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле и, когда мимо двора моего проходил, кланялся часто мне низенько, говоря: «Благослови меня и помолись обо мне!». И шапку однажды, мурманку, снимая с головы, уронил, когда ехал верхом. И из кареты высунется, бывало, ко мне. Потом и все бояре послая него челом да челом (били): «Протопоп, благослови и молись за нас!». Как же тут мне царя того и бояр тех не жалеть? Жаль их! Видишь, какие были добрые! Да и ныне они не лихи ко мне; дьявол лих ко мне, а люди ко мне добры. Давали мне место, где бы я ни захотел, и в духовники звали, чтобы я с ними объединился в вере; я же все это за помет счел...

Вопросы и задания

1. Кто такой Аввакум, за что и против чего он боролся?
2. Какие цели ставил перед собой кружок «ревнителей древнего благочестия»?
3. В 1652 году в царствование Михаила Алексеевича (отца Петра Первого) патриархом Руси стал Никон. Какие требования предъявил русской церкви в своем послании «Память»?
4. Попробуйте пересказать мытарства протопопа Аввакума в сибирской ссылке.
5. Вы знаете, что такое «старообрядчество»? Если не сможете полно ответить сами на этот вопрос, то обратитесь за помощью к учителю.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ¹ СУДЕ

Повесть относится к памятникам сатирической литературы. Исследователи находят в ней связи с традициями и образами народной сказки. Произведение датируется второй половиной XVII в. Сохранилось в списках конца XVII — начала XVIII в.

В неких местах жили два брата земледельца: один богатый, другой бедный. Богатый же ссужал много лет бедного, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени пришел бедный к богатому просить лошадь, чтобы было на чем ему себе дров привезти. Брат же не хотел дать ему лошади, говорит: «Много тебя я ссужал, а поправить не мог». И когда дал ему лошадь, а тот, взяв ее, начал просить хомута. Обиделся на него брат, стал поносить убожество его, говоря: «И того-то, и хомута у тебя нет своего». И не дал ему хомута.

Пошел бедный от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади и привез к своему двору. И забыл он выставить подворотню. Ударил лошадь кнутом, лошадь же изо всей мочи рванула с возом через подворотню и оторвала себе хвост.

И вот бедный привел к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего поносить, что, выпросив у него лошадь, испортил ее. И, не взяв назад лошади, пошел на него бить челом в город, к Шемяке-судье.

А бедный брат, видя, что брат его пошел бить на него челом, пошел и сам за братом, зная, что будут все равно за ним из города посылать, а не пойти, так придется еще и приставам проездные платить.

И остановились они оба в некоем селе, не доходя до города. Богатый пошел ночевать к попу того села, затем

¹ Имя Шемяка было распространено в XVI–XVII вв. Судья Шемяка не имеет никакого отношения к князю Дмитрию Шемяке (ум. в 1453 г.).

что был тот ему знакомый. И бедный пришел к тому попу, а, придя, лег у него на полатах. И стал богатый рассказывать попу про гибель своей лошади, ради чего в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, бедного же не зовут с собою есть. Бедный стал с полатах смотреть, что едят поп с братом его, сорвался с полатах на зыбку и задавил попова сына насмерть. И тот также поехал с богатым братом в город бить челом на бедного за смерть сына своего. И пришли они к городу, где жил судья; а бедный за ними следом идет.

Шли они через мост у города. А из жителей города некто вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, зная, что будет ему гибель от брата и от попа, задумал себя смерти предать. Бросился он прямо с моста в ров, желая убиться насмерть. А бросившись, упал на старика и задавил отца у сына насмерть. Схватили его, привели к судье.

Он же размышлял, как напасти избыть и что бы дать судье. И, ничего у себя не найдя, надумал так: взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал пред судьею.

И вот принес брат его челобитную¹, иск на него за лошадь, стал бить судье Шемяке челом. Шемяка же, выслушав челобитную, говорит бедному: «Ответствуй!». Бедный, не зная, что говорить, вынул из шапки завернутый камень, показал судье и поклонился. А судья, чая, что бедный ему мзду посулил, сказал брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми у него свою лошадь».

И потом начался другой суд. Поп стал искать за смерть сына своего, за то, что он сына у него задавил. Бедный же опять вынул из шапки тот же узел и показал судье. Судья увидел и думает, что по другому делу другой узел золота сулит, говорит попу: «Коли он у тебя сына зашиб,

¹ *Челобитная* — прошение, жалоба.

отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попадьи твоей не добудет он ребенка тебе; в то время возьми у него попадью вместе с ребенком».

И после начался третий суд за то, что, бросаясь с моста, зашиб он отца-старика у сына. Бедный же, вынув из шапки камень, в платке завернутый, показал в третий раз судье. Судья, чая, что за третий суд он третий ему узел сулит, говорит тому, у кого убит отец: «Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнься сам на него и убей его так же, как он отца твоего».

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа. Стал богатый у бедного спрашивать свою лошадь, а тот ему отвечает: «По судейскому указу, как-де говорит, у ней хвост вырастет, в ту пору и отдам твою лошадь». Богатый же брат дал ему за свою лошадь пять рублей, чтоб он ему, хоть и без хвоста, ее отдал. А он взял у брата пять рублей и отдал ему лошадь. И стал бедный у попа спрашивать попадью по судейскому указу, чтобы ему от нее ребенка добыть, а добыв, попадью назад ему отдать с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтобы он попадьи у него не брал. И взял тот с него десять рублей. Тогда стал бедный говорить и третьему истцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и бросайся на меня так же, как и я на отца твоего». А тот думает: «Броситься мне, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься». Стал и он с бедным мириться, дал ему мзду за то, чтоб бросаться на себя не велел. И так взял себе бедный со всех троих.

Судья же прислал слугу к ответчику и велел у него те показанные три узла взять. Стал слуга у него спрашивать: «Дай то, что ты из шапки судье казал в узлах; он велел у тебя то взять». А тот, вынувши из шапки завязанный камень, показал. Тогда слуга говорит ему: «Что же ты кажешь камень?». А ответчик сказал: «Это судье. Я-де, — говорит, — когда бы он не по мне стал судить, убил его тем камнем».

Вернулся слуга и рассказал все судье. Судья же, выслушав слугу, сказал: «Благодарю и хвалю Бога, что по нем судил. Когда бы не по нем судил, то он бы меня зашиб».

Потом бедный пошел домой, радуясь и хваля Бога.

Вопросы и задания

1. Во всех трех случаях судья Шемяка оправдывает бедного мужика, хотя события произошли по его вине. Почему?

2. Раскройте образ судьи, покажите его беспринципность, низкий моральный и нравственный уровень.

3. Почему бедный крестьянин не стал богатым, хотя его богатый брат много раз помогал ему?

4. Понравилась ли вам повесть о «Шемякином суде»? В чем, на ваш взгляд, ее своеобразие?

5. Произведения каких жанров древнерусской литературы вы уже читали?

6. Когда и в связи с чем возникла древнерусская литература?

7. Чем древнерусская литература отличается от литературы нового времени?

8. Какие художественные приемы использует автор?

9. Напишите сочинение по прочитанному произведению «Повесть о Шемякином суде».

Советуем прочитать

«Сказание о Борисе и Глебе» и «Повесть о Ерше Ершовиче».

«Житие Сергия Радонежского».

«Повесть о Петре и Февронии Муромских». «Поучение Владимира Мономаха».

Очерк Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский».

В. Абрамов. Сборник рассказов.

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

Глава 3. ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799 – 1837)

**Читайте сочинения Пушкина...
Обучайтесь примерам великого
поэта любить искусство, правду и
родину.**

Н.А. Некрасов

**Читайте почаще Пушкина, это —
основоположник поэзии нашей и
всем нам всегда учитель.**

М. Горький

Александр Сергеевич Пушкин по отцовской линии — из старинного дворянского рода Пушкиных, по материнской — из рода знаменитого Ибрагима Ганнибала. Имена предков поэта встречаются в некоторых его произведениях — в «Борисе Годунове», в «Арапе Петра Великого», в «Моей родословной».

Сложилось так, что род Пушкиных в начале XIX века обеднел, и семья Пушкиных уже ничем не выделялась в дворянском сословии России, хотя и признавалась значительность ее предков.

Отец поэта, Сергей Львович, был высокообразованным, начитанным человеком, поддерживал добрые отношения с многими представителями культурных слоев Москвы, вел обычную для большинства дворян светскую, беззаботную жизнь, мало уделял внимания воспитанию своих детей. Мать будущего великого поэта Надежда Осиповна Ганнибал, внучка известного в истории Ибрагима Ганнибала, принятая в свете за неписанную красоту как «прекрасная креолка»¹, тоже не проявляла

¹ *Креолка* — происходящая от смешанного брака испанцев и индейцев, обычно в Латинской Америке.

большой заботы о детях, переложив эту трудную работу на гувернеров, крепостного дядьку¹ Никиту да крепостную няню Арину Родионовну, которая была ему и «мамушкой» (так ее называл Саша Пушкин) и большим другом. Именно гувернерам, выписанным из Парижа, и Арине Родионовне обязан юный Пушкин своим великолепным знанием французского языка и любовью к русской народной культуре. Уже в восьмилетнем возрасте он не только умел читать и писать, знал множество народных песен и сказок, но и сочинял на французском языке маленькие детские комедии. Брат Саши, Лев Сергеевич, пишет в своих воспоминаниях: «Страсть к поэзии проявилась в нем (в Саше) с первыми понятиями... ребенок нередко проводил бессонные ночи в кабинете отца и тайком «пожирал» книги одну за другой. Пушкин был одарен памятью невероятной и на одиннадцатом году уже знал всю французскую литературу».

В Москве дом родителей часто посещали известные писатели, художники, музыканты. Свидетелем их рассуждений и споров об искусстве был будущий поэт, как губка впитывая ценную информацию о судьбе российской и европейской литературы и искусства.

В 1811 году Пушкин поступает в Царскосельский лицей — привилегированное учебное заведение для детей знатных дворян. Лицейсты особенно увлекались литературой, выпускали журналы, читали свои поэтические произведения, горячо спорили о состоянии искусства. «Все мы видели, — писал в воспоминаниях закадычный друг будущего великого поэта Пущин, — что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать...»

В лицее быстро вызревал гений Пушкина.

Через шесть лет, в 1817 году, закончилось бурное, содержательное лицейское время, и Пушкин вступает в

¹ *Дядька* — крепостной слуга, которому поручался уход за мальчиком в дворянских семьях.

новую, свободную, творчески яркую литературную жизнь. Он увлекается театром, посещает светское общество и создает романтическую поэму «Руслан и Людмила», воспринятую в литературных кругах как небывалое явление. В знак признания поэтического дарования Пушкина известный поэт-романтик В.А. Жуковский – один из первых учителей молодого поэта, подарил ему свой портрет с восторженной надписью: «Победителю – ученику от побежденного учителя...»

В сентябре 1820 года Пушкин прибыл в Кишинев на новое место службы. Здесь много читал, изучал жизнь молдаванского народа и плодотворно трудился – создал великолепные романтические поэмы «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан».

По Высочайшему повелению царя в 1824 году Пушкина отправляют в ссылку в село Михайловское Псковской губернии. Здесь вдали от друзей и светского общества он создает поэму «Цыганы» – последнее произведение в своих романтических увлечениях, работает над реалистическим романом в стихах «Евгений Онегин» и драмой «Борис Годунов», навсегда распрощавшись с эпохой романтизма.

С годами растет поэтическое мастерство «русского гения», ширятся его историко-литературные интересы. Теперь он выступает как критик, публицист, историк. Создает прозаические произведения «Дубровский», «Повести Белкина» и др., изучает историю крестьянского восстания под предводительством бывшего казака Емельяна Пугачева и издает книгу «История Пугачева». Продолжая эту тему, Пушкин в 1836 году публикует яркое художественное произведение – повесть «Капитанская дочка».

ПОВЕСТЬ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Повесть была задумана А.Пушкиным, когда он работал над романом «Дубровский» в 1832 году и изучал историю русского крестьянства, образно раскрытую

в произведении «История села Горюхина». Для Пушкина — поэта, публициста, прозаика и историка, современность — результат предшествующего исторического развития России и ее народов. И трагическое положение крестьянства, лишенного элементарных человеческих прав и гражданских свобод, он также рассматривал исторически. «Одна только история народа может объяснить истинные причины ужасающе бедственного положения крепостного крестьянства», — писал Пушкин. Он внимательно изучает историю крестьянства, содержание и причины многочисленных крестьянских волнений в XVII–XVIII вв.¹ Его привлек и поразил известный факт участия в восстании Пугачева, гвардейского офицера из высшего дворянского сословия. И это был первоначальный толчок к задумке повести «Капитанская дочка». В ходе сбора материала для книги этот факт претерпел значительные изменения, а замысел повести полностью сложился после путешествия Пушкина на Волгу и Урал в 1834 году и окончания работы над книгой «История Пугачева».

Повесть «Капитанская дочка» по объему небольшая, однако она тематически так широкоохватна, что многие исследователи называют ее романом. В этой книге нашла яркое отражение жизнь различных социальных слоев в России XVIII века, от крепостного крестьянства, дворянского круга людей до императорского двора Екатерины II, широко показано восстание Пугачева и отношение к нему двора императрицы Екатерины, нравы, быт повстанцев, народные традиции. В «Капитанской дочке» представлены исторически реальные картины, широко охватывающие российскую действительность эпохи Екатерины II — эпохи, отмеченной широкими волнениями крестьянства — от Казани до Урала.

Пушкин ярко показывает и глубоко раскрывает весь комплекс явлений и событий, связанных с восстанием

¹ Соляной бунт в Москве, два восстания на Дону (предводители Степан Разин и Кондрат Булавин), восстание на Южном Урале под предводительством казака Пугачева....

крестьянства. В художественных образах освещает социальные истоки, причины самого восстания и исторически обосновывает самозванство Пугачева, присвоившего себе титул русского царя Петра III. В повести находим картины кровавых расправ крестьян с помещиками, милосердие и жестокость Пугачева, дворянской расправы с восставшим крестьянством. Автор, раскрывая отрицательное отношение крестьян к помещикам, дворянам и к двору Екатерины, указывает и на слепую веру в «царя-батюшку».

В повести показаны самые различные слои общества и представители разных народов, населявших юг Урала. Значительный интерес вызывают образы башкира, калмыка, чуваша, черемиса – свидетельство не узкого движения недовольных жизнью повстанцев, а широкого всенародного крестьянского восстания.

Образ пушкинского Пугачева, в отличие от многих других попыток в XIX веке осмыслить эту необычную фигуру в истории, это прежде всего незаурядная личность и в то же время человек, не лишенный недостатков. В нем органично сочетаются и качества смелой личности, вождя и организатора народного движения и удалого разбойника с «загубленной головушкой». Об этом говорит и эпиграф, предпосланный главе «Вожатый», которая знакомит читателя с обликом Пугачева: «...сторона незнакомая!... Завела меня, доброго молодца, простота, бодрость молодецкая и хмелинушка кабацкая» (из старинной песни). В этом эпиграфе – значительная часть авторской характеристики Пугачева. И первая встреча читателя с Пугачевым сопровождается нелестными эпитетами «черное», «воз не воз», «волк или человек», «добрый молодец» и т.п. Однако это вовсе не значит, что Пушкин в образе «доброго молодца» Пугачева видел личность только отрицательную. Образ Пугачева при всем этом, с одной стороны, «овеян искренним и глубоким сочувствием поэта», с другой – реалистичностью изображения Емельяна Пугачева – таким, каким он был на самом деле:

Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой!
В передовом своем отряде
Урядник¹ был бы он лихой.

(Из письма к Денису Давыдову)

В повести Пушкин часто указывает на такие качества характера Пугачева, как пытливость, большой разум, смекалка; он свободен от рабского унижения, так характерного для множества крестьян. Образ Пугачева в значительной мере раскрывается в сценах и картинах взаимоотношений с Петром Гриневым.

Судьба Петра Гринева переплетается с семьей Мироновых — комендантом крепости Иваном Кузьмичом, его женой, Василисой Егоровной, дочкой Машой, и дуэлянтом и повесой² Швабриным.

Галерею³ образов от императрицы до Савельича дополняет образ гвардейского офицера Швабрина. Он умен, по-дворянски хорошо воспитан, дерзок, порывист, но легкомыслен. Безумно влюблен в Машу Мионову, ради нее готов на предательство своего сословия — из гвардейского офицера превращается в сообщника Пугачева.

В личности Швабрина показана паразитическая часть «золотой» дворянской молодежи екатерининского времени. Он вполне усвоил традицию «полупросвещения», потеряв высшее достоинство императорской гвардии⁴ — офицерскую честь. Эта черта проявилась и в дуэли с Гриневым. Он наносит шпагой удар в то время, когда Петр был не готов к отражению. И его любовь к Машеньке в сущности бесчестна, эгоистична, лишена глубокого чувства. Швабрин морально опустошен.

¹ *Урядник* — нижний чин уездной полиции.

² *Повеса* — легкомысленный человек, проказник, бездельник.

³ *Галерея* — здесь: длинный ряд.

⁴ *Императорская гвардия* — здесь: отборная привилегированная часть войска.

Как бы в противовес эгоисту Швабрину, презиравшему Мироновых, попиравшему офицерскую честь и человеческое достоинство, в повести представлена семья коменданта крепости – «людей государственных», патриархальных взглядов, простых и добродушных. Безвестный, ничем не примечательный комендант крепости, прошедший армейскую службу от рядового солдата до капитана, его жена представляют ту часть обедневшего дворянского сословия, которому присущи и высокие патриотические чувства и самоценное понимание воинского долга.

Повесть «Капитанская дочка» учит нас понимать и правильно оценивать характеры и поступки людей, различать честность, мужество, порядочность и преданность; узнавать в человеке подлые и низкие черты, прикрытые камуфляжем¹ благородства и чести.

В правдивом изображении пугачевской истории важную роль играет язык героев, в котором отражаются их характеры, своеобразие мысли, чувства, условия их жизни в период восстания. Лаконична, выразительна речь Пугачева, который постоянно прибегает к пословицам. Строго литературным, присущим дворянству языком говорит Гринев; просторечно выражаются люди старшего поколения – в семье Мироновых; в языке слуги Гринева – старого человека Савельича сочетаются просторечные выражения с литературными оборотами, заимствованными им у дворян. Вообще язык повести, речевые характеристики героев – предельно точны и лаконичны.

ПРАВДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В одном из стихотворений А. Пушкин предельно полно выразил всепоглощающую роль художественного вымысла в правдивом изображении живой или исторической («окаменевшей во времени») действительности:

¹ *Камуфляж* – маскировка. Здесь маскировка под благородство.

«над вымыслом слезами обольюсь»¹. Были попытки в наше время «расшифровать» эту замечательную поэтически оформленную концепцию художественной литературы — вообще любого искусства. И всегда получалось плохо, примерно так: «От души порадуюсь тому, что сам выдумал», т.е. сказал или рассказал то или о том, чего не было, т.е. солгал. А это безнравственно: всякая сплетня тоже есть «выдумка»; или: «обмани человека ловко и радуйся своему обману» — в сущности это то же самое — безнравственность. Так что же, выходит Пушкин — одобритель лжи, зовет людей к обману? Ничего подобного! Все реалистическое искусство — будь то поэзия, проза, живопись или тем более музыка — потому в высшей степени правдиво, что в основе его как нечто базовое, неперенное лежит вымысел; правда — не вообще всякий вымысел, а художественный, поэтический вымысел, благодаря которому и создается автором произведение. Художественный вымысел всегда основывается на конкретном жизненном материале, конкретных жизнеутверждающих фактах, представляемых в произведении в виде ярких запоминающихся картин, взятых из происходящих событий и явлений действительности — картин, отображающих дух, атмосферу времени, состояние, становление или развитие общества.

Художественный вымысел — это совокупность изобразительных средств, воссоздающих правду жизни, которая определяется как художественная правда.

Художественная правда в произведении выстраивается с помощью вымысла на ограниченном пространственно-временном поле; воссоздается порой целая эпоха большой страны путем строго отобранных, самых характерных фактов живой действительности.

Повесть «Капитанская дочка» отмечена той особенностью, что действие разворачивается на небольшом

¹ Поэтическое выражение А. Пушкина, раскрывающее большое значение вымысла в искусстве.

пространстве и в сравнительно ограниченное время, однако сюжет ее воссоздает сложную картину социальной жизни России XVIII века — от дворцовой жизни императрицы Екатерины II, дворянского быта, до глубин крестьянского волнения. В повести представлены образы исторически реальных людей — Пугачев, Екатерина II, Белобородов, Хлопуша, генералы, офицеры регулярной армии и войска восставшего крестьянства. Действуют и вымышленные Пушкиным герои — Машенька Миронова, Петр Гринев и другие, дополняющие своими действиями социально-нравственную обстановку в Оренбуржье и стране пугачевского периода. Однако сама историческая картина представлена в переплетении реальных событий с эпизодами, созданными творческим воображением (т.е. художественным вымыслом) Пушкина, что и обусловило правдивость и историческую достоверность повествования в «Капитанской дочке».

С помощью художественного вымысла писатель не столько описывает события, сколько правдиво оживляет картины жизни далекого прошлого, сводимые в единое сюжетно-композиционное повествование.

Правдивость пушкинского художественного вымысла и достоверность изображения действительности XVIII века подтверждают многие факты из его творческой лаборатории. Например, работая над материалами «пугачевского бунта», Пушкин не смог ознакомиться с протоколами допросов Пугачева. И потому он многое из его биографии и истории восстания вынужден был домысливать, о многом «догадываться». Вспомните калмыцкую сказку, рассказанную Пугачевым, где он произнес крылатые слова: «чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там, что Бог даст». Смысл этого выражения в том, что прожить пусть малую жизнь, но со славою, с великой пользой. Так вот, когда в XX веке эти протоколы допроса были опубликованы, то неожиданно оказалось, что произнесенные Пугачевым в калмыцкой сказке слова

близки ему по духу и мысли. В протоколе есть такая запись: «что до намерения его идти на Москву и далее, то других видов не имел, как то: если пройдет в Петербург — так умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть по сражении: «Ведь все равно я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убитым...».

Художественная правда в повести «Капитанская дочка», несмотря на обилие вымысла в ней, близка к исторической правде о Пугачеве и крестьянском восстании. Пушкин показал и жестокость восстания и свирепый нрав Пугачева.

Повесть Пушкина учит нас понимать и правильно оценивать характеры и поступки людей, отмечать честность, мужество, преданность, узнавать и осуждать в человеке подлые и низкие порывы.

Пушкин обладал «необыкновенным искусством немногими чертами означить весь предмет» (Гоголь). О художественной прозе поэт писал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни чему не служат...».

Этими достоинствами отличается сама повесть писателя — одно из замечательных произведений исторической романистики. «Пушкин написал «Капитанскую дочку», решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде, — писал Н.В. Гоголь. — В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей — все не только сама правда, но еще как бы лучше ее».

Вопросы и задания

1. Почему А.С. Пушкин назвал свою повесть «Капитанская дочка», хотя центральная тема в ней — крестьянское восстание, образ его предводителя Пугачева?

2. Объясните поведение Петра Гринёва во время судебного процесса.

3. Как Пушкин изобразил предводителя крестьянского восстания Пугачёва?

4. Раскройте двойственность отношений Гринёва к Пугачёву, основанных на сословных традициях и суждениях.

5. Раскройте на конкретных примерах из повести своеобразие речевых характеристик Пугачёва, Петра Гринёва и Савельича.

6. Расскажите о Маше Мироновой: как и почему в робкой девушке постепенно вызревает сильная характером женщина, обладающая глубоким чувством справедливости?

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

(В сокращении)

Береги честь смолоду.

Пословица

Глава I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ¹

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

*Княжнин*²

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе³ и вышел в отставку премьер-майором⁴ в 17... году. С тех пор жил он в своей

¹ *Гвардия* — специальные, отборные войска, первые гвардейские полки (Преображенский, Семеновский) появились в России при Петре I. В отличие от остального состава пользовались особыми привилегиями.

² *Я.Б. Княжнин* (1742–1791) — русский писатель, драматург.

³ *Б.Х. Миних* (1683–1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, командовал войсками в войне с Турцией в 1735–1739 годах.

⁴ *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности помощника командира полка).

Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом¹, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному² Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *roug être outchitel*³, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности...

Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать,

¹ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

² *Стремянный* — слуга, ухаживающий за верховой лошастью своего господина.

³ Чтобы стать учителем (франц.). Русское слово *учитель* дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи¹. Матушка, зная наизусть все его свычаи и обычаи², всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик³!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы?..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и

¹ То есть вызывало раздражение, злобу.

² *Свычаи и обычаи* (устар.) — привычки.

³ *Генерал-поручик* — один из высших военных чинов царской армии.

погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать¹ да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает

¹ *Мотать* — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

пороху, да будет солдат, а не шаматон¹. Записан в гвардии! Где его паспорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собой на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка²; уложили в нее чемодан, погребец³ с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

¹ *Шаматон* (разг., устар.) — гуляка, шалопай, бездельник.

² *Кибитка* — крытая повозка.

³ *Погребец* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в бильярдную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием¹ в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером², который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под бильярд на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем далее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока, наконец, маркер остался под бильярдом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр³ ** гусарского полка и находится в Симбирске при приеме рекрут⁴, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться? Поневоле пойдешь в трактир и станешь

¹ *Кий* — палка для игры в бильярд.

² *Маркер* (франц.) — лицо, прислуживающее при бильярде.

³ *Ротмистр* — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капитана в пехоте).

⁴ *Рекрут* (устар.) — солдат-новобранец, лицо, только что призванное на военную службу. Здесь употреблена устарелая форма родительного падежа множественного числа (вместо рекрутов).

играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу¹, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу² и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом, — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедem к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошел спать... и уложи меня».

¹ *Грош* — в XVIII веке монета в две копейки.

² *Пунш* — напиток из рома, вскипяченного с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

На другой день я проснулся с головной болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при¹ водкю!». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!».

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудро было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И голове-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И.И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

«Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*², приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумленный Савельич.

¹ Сударыня, я вас прошу (франц.).

² «И денег, и белья, и дел моих рачитель» — цитата из стихотворения Д.И. Фонвизина «Послания к слугам моим».

«Я их ему должен», — отвечал я со всевозможной холодностию. «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остоленел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, — произнес он дрожащим голосом, — не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — «Полно врать¹, — прервал я строго, — подавай сюда деньги или я тебя взащей прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

¹ *Врать* — здесь: болтать.

Глава II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке¹, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!».

¹ *Облучок* — сиденье для кучера в повозке.

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадежно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу¹.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции² и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался

¹ *Пороша* — только что выпавший снег.

² *Станция* — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила¹ или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное.

— Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да,

¹ Жило (устар.) — жилье.

вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю² с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность³, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной

¹ *Циновка* — здесь: занавеска из плетеной рогожи.

² *Соображаю* — здесь: сопоставляю, согласую.

³ *Существенность* (устар.) — действительность, окружающий мир, явь.

пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена, у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с черной бороною, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благословения у мужика?» – «Все равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза.

– На постоянный двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую;

лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий¹ казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие, — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полаты и увидел черную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника²: мороз показался не велик.

В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца³ штоф⁴ и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою:

¹ *Яицкий* — живущий на реке Яик (после Пугачевского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачеве).

² *Целовальник* (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

³ *Ставец* (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

⁴ *Штоф* — бутыл (объемом 1/10 ведра).

«В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?».

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне¹ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте².

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирненного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань³. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решил убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я

¹ *Вечерня* — вечернее церковное богослужение.

² *Погост* — кладбище.

³ *Пристань* — здесь: пристанище, приют, убежище.

позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалуется¹ шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали.

¹ *Жаловать* (устар.) — награждать, дарить.

Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны¹, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет; а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!». Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фу! как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад²?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом³ Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер⁴! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держат в ежовых рукавицах»... Что такое ешovy рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «держат в ешovy рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно, ешovy рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»...

¹ Анна Иоанновна (1693—1740) — русская царица.

² Друг, товарищ (нем.).

³ Фельдмаршал — высший воинский чин в царской армии.

⁴ Брат (нем.).

Где ж он? А, вот... «отписать в Семеновский»... Хорошо, хорошо: все будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — все будет сделано: ты будешь офицером переведен в*** полк, и, чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние¹ вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В*** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, вдвоем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции² живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река

¹ *Рассеяние* — здесь: развлечение, приятное времяпрепровождение.

² *Фортеция* (устар.) — крепость.

еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далеке ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы¹, башни и вал; но ничего не видел, кроме дереvушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными² крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на дереvушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид³, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошел в чистенькую

¹ *Бастион* — один из видов крепостных укреплений.

² *Лубочный* — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, т.е. подкорья.

³ *Инвалид* — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский¹ за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки², представляющие взятие Кистрина и Очакова³, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузьмича дома нет, — сказала она, — он пошел в гости к отцу⁴ Герасиму: да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка».

Она кликнула девку и велела ей позвать урядника⁵. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства...

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание

¹ *Диплом офицерский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

² *Лубочные картинки* — дешевые картинки, отпечатанные с гравировальных липовых досок, лубков.

³ *Кистрин* (*Кюстрин*) — прусская крепость, осажденная русскими войсками в 1758 году. *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

⁴ *Отец* — так называли священников.

⁵ *Урядник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный¹ из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе...

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузьмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?». Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением. Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку.

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое²? частый гребень, да веник, да алтын³ денег (прости бог!), с чем в баню

¹ *Выписанный* — здесь: исключенный, вычеркнутый из списков.

² *Приданое* — имущество, даваемое родными невесты при выдаче ее замуж.

³ *Алтын* — старинная русская монета (равна трем копейкам).

сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестой». Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся. «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?»»

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать, а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Глава IV

ПОЕДИНОК

— Ин изволь и стань же в позитуру¹.

Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но

¹ *Позитура* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

даже и приятно. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею¹ во всем околотке. С А.И.Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

¹ *Вестовщица (устар.)* — любительница рассказывать новости.

Я уже рассказывал, что я занимался литературой. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, а Александр Петрович Сумароков¹, несколько лет после, очень их похвалил. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стихи:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь² прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая.
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя пленили,
Всемигновенно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря³ меня в сей лютой части⁴,
И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрину, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского⁵, и очень напоминают мне его любовные куплеты.

¹ А.П. Сумароков (1717—1777) — русский поэт и драматург.

² Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

³ Зря (устар.) — видя.

⁴ Часть (устар.) — здесь: участь, судьба.

⁵ В.К. Тредьяковский (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности со стороны литературных противников.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь над мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твое дело, — отвечал я нахмуясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотой. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту ее нрав и обычай.

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

— Это тебе так не пройдет, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию¹.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой

¹ *Сатисфакция* — удовлетворение (в данном случае это означает вызов на дуэль).

единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим.

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузьмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодейство, противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступить.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунденты, — сказал он мне сухо, — без них обойдемся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с

довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что ответить. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

— Да вот как: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затащил мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков¹...

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и с его семейством; пришел домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно

¹ Обиняки — намеки.

поспешить». Мы сняли мундиры и обнажили шпаги. В эту минуту из-за сирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузьмич, сейчас их под арест! Петр Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в господа бога не верует: а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузьмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле¹». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело». — «Ах! мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и едина плоть? Иван Кузьмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассадь их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла».

...Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса, Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем

¹ *Воинский артикул* — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась...

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравится ли вы ему, или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал... Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дождался недолго. На другой день, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда

солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегającego ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча: я упал и лишился чувств.

Глава V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде¹ лучше меня найдешь,
позабудешь.
Если хуже меня найдешь,
вспомынешь.

То же

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи², которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? Каков?» — произнес шепотом голос, от которого я затрепетал. «Все в одном

¹ Буде (устар.) — если.

² Перевязь (устар.) — повязка.

положении, — отвечал Савельич со вздохом, — все без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна?»

Я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнися! опомнися! — повторял он. — Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он еще слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь...

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женой, согласись на мое счастье». Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла все мое существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава богу, не умничал. Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого

жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что ее родители, конечно, рады будут ее счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?..»

...Со Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузьмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иванович у меня-таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги решился его освободить. Швабрин пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснялся; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу

Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще не достоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуелей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой А.Г.».

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить».

Савельич был поражен, как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы?» — отвечал Савельич со слезами. — Господи царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство¹ к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не

¹ *Потворство* — поощрение, содействие в чем-либо предосудительном, непозволительном.

слишком заботился; а Иван Кузьмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Все кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив ее за руку, — ты меня любишь; я готов на все. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

— Нет, Петр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдешь себе суженую¹, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом. Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

¹ *Суженая* — невеста.

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний; а я не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал,

чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за ее здоровье Бога буду молить. А Петр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме у коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Петр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия¹, то былъ молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш *Архип Савельев*».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту² доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение мое переменялось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла³; но, видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузьмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться

¹ *Оказия* — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

² *Грамота* — здесь: письмо.

³ *Пенять* — укорять, выговаривать кому-нибудь.

в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван

Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузьмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом». — «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье¹. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел все свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные²!». Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу, сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идет баталия? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук,

¹ То есть был в боевой готовности.

² *Присяжные* — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите, вон к государю. Государь здесь!».

«Вот я вас! — закричал Иван Кузьмич. — Ребята! Стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь, девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузьмич, в животе и смерти² бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял

¹ Сайдак — лук с колчаном и стрелами.

² В животе и смерти (устар.) — в жизни и смерти.

и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне¹, коли в чем я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны: она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузьмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в

¹ *Отпусти мне (устар.) — прости меня.*

крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!». Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор¹ и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком.

Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван

¹ *Вор* — здесь: разбойник, изменник.

Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товари-

щей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок... Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинута на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!...». Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной!» – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!». Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку.

Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! – кричала бедная старушка. – Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! – закричала она в исступлении. – Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» – «Унять старую ведьму!» – сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблей по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан

и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом¹. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи²? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Петр Андреич! — сказала она, сплеснув руками, — Какой денек! какие страсти!..

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадьа вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадьа. — Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так

¹ *Кивот* (киот) — небольшой шкаф, подставка для икон.

² *Келья* — здесь: небольшая комната уединенно живущего человека.

и екнуло, да нечего делать. «Изволь, государь: только девка-то не может встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузьмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иванович? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за это.

В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступайте себе домой, Петр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! Веришь ли? Все у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал: а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

— Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почел нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я

молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева.

И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать; но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинута тебе веревку на шею? Я чаю¹, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною

¹ Я чаю — здесь: я думаю.

виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа.

Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту), чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев¹ не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой

¹ *Григорий Отрепьев* — самозванец, ставленник польских панов, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время народного восстания.

и правдою, и я тебя пожалуй и в фельдмаршалы и в князя. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь, сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости все было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горящего по моему отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава Тебе, Владыко! — сказал он, перекрестившись, — Чем свет оставим крепость и пойдем, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа запазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Глава X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом¹ повелел соорудить раскат²
И, в нем перуны³ скрыв, в нощи⁴ привести под град.

Херасков

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников⁵ с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повел меня прямо в дом генерала...

...Пугачев, верный своему обещанию, приблизился к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею

¹ *Стан* — лагерь.

² *Раскат* — плоская насыпь для установки пушек.

³ *Перун* — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь под перунами подразумеваются пушки.

⁴ *В нощи* (устар.) — ночью.

⁵ *Колодник* — арестант, узник в колодках.

турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас Бог милует?».

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Петр Андреич, только вчера воротился. У меня есть к вам письмоцо.

— Где же оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачевым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за

¹ *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозерской крепости, убитая пугачевцами (историческое лицо).

него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу¹ да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия прищипывая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую² трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его, он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идет о счастии всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумленный старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю

¹ *Сикурс* — войсковая часть, посланная в качестве подкрепления.

² *Пенковый* — изготовленный из пенки — легкого огнестойкого материала.

легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация...

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm¹, и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парাপете² крепости! Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это еще не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию³; а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить ее Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный малый! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

¹ Шельма, мошенник (нем.).

² *Парапет* — здесь: вал, прикрыtie от вражеских пуль и ядер.

³ *Протекция* — покровительство, поддержка.

Глава XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.

«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп¹?» –

Спросил он ласково.

А. Сумароков²

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переводываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровен час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «сколько у меня всего-навсего денег?» – «Будет с тебя, – отвечал он с довольным видом. – Мошенники как там ни шарили, а я все-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, – сказал я ему, – отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

– Батюшка Петр Андреич! – сказал добрый дядька дрожащим голосом. – Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение мое было твердо принято.

– Поздно рассуждать, – отвечал я старику. – Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть

¹ *Вертеп* (старослав.) – здесь: пещера.

² Этот эпиграф сочинен Пушкиным и приписан Сумарокову.

втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошел? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить ее. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише. Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!.. Не погуби!.. Господи владыко, пропадет барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул Пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук

узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожждаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде,

ухват в углу и широкий шесток¹, уставленный горшками, — все было, как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостью. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников² самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седой бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо³ по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был невысокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей)⁴, ссыльный

¹ *Шесток* — площадка в передней части русской печи.

² *Наперсник (устар.)* — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

³ Пугачев выдавал своих приближенных за царских вельмож. Голубую ленту через плечо носили награжденные высшим орденом — Андреем Первозванного.

⁴ *Белобородов и Хлопуша* — видные участники Пугачевского восстания (исторические лица).

преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?».

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение¹, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал грозно Пугачев. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: за чем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими

¹ *Провидение* — высшая божественная сила, судьба.

супостатами¹? Не прикажешь ли свести его в приказную² да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалось мне довольно убедительно. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачев. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — все благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачев. — А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы все душисть да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

¹ *Супостат* (устар.) — враг.

² *Приказная* (приказная изба) — помещение, где допрашивали арестованных.

— Да ты что за угодник¹? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем² и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!»...

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придет и твое время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородашки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачев. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной; беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба³ ли сердцу молодецкому? а?»

¹ *Угодник* — так верующие называли некоторых святых (буквально: человек, угодивший Богу).

² *Кистень* — старинное оружие (тяжелый набалдашник на короткой рукоятке).

³ *Зазноба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

— Она невеста моя,— отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем...

Поутру пришли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачев велел остановиться. «Батюшка, Петр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачев. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил¹ и успокоил.

Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться

¹ *Призреть* (устар.) — позаботиться, взять под свою опеку.

с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему все; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волоса становились дыбом...

Вдруг Пугачев прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачев. — Страшно тебе?..

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почел нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачев, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с веселым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?» Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком¹?

¹ *Фридерик* («Федор Федорович») — Фридрих II (1712–1786). Прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

— С Федор Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни? Пугачев горько усмехнулся.

— Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего на все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней, — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII

СИРОТА

Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усыпленный ворчаньем своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне со своим подносом; но я вторично от него отворотился.

¹ *Эпитафия* — надгробная, надмогильная надпись.

Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел, как мертвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачев. — Это мое дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она

вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!». Потом, подошел к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?».

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачев. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою¹; закутим, запьем — и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница

¹ Дру́жка — распорядитель на свадьбе.

здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!» Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду...

Когда лошади тронулись, Пугачев еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Глава XIII

АРЕСТ

— Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить позволите мне прежде.

Княжнин

Соединенный так нечаянно с милой девушкою, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что все со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела еще опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости бородатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика меня принимали как придворного временщика¹.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: «кто едет?» — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяйскою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр². — Вот уж тебе будет баня, и с твоею хозяйскою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повел меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев

¹ *Временщик* — человек, достигший власти вследствие близости к царю или царице.

² *Вахмистр* — унтер-офицер в кавалерии.

кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это все кончится?». Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещенному. Вахмистр оставил меня при карауле и пошел обо мне доложить.

Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяйшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошел?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк¹. Майор метал². Каково было мое изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку³?

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою? Где же ты ее подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

¹ *Банк* — карточная азартная игра.

² *Метать* — здесь: держать банк, т.е. вести игру, поставить деньги на кон.

³ *Поставить карту* — здесь: принять участие в карточной игре.

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попиروвали по-старинному... Гей! малый! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный; ничем не обидит, да хорошенько ее в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез ее из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставляю ее.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

— После все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести её лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Все это, брат, хорошо; одно нехорошо; зачем тебя черт несет жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадешься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них еще раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдет сама собою, и все будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде...

... Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачев все еще стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и все предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанес бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии, мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном¹. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!».

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. — «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал ее читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом

¹ *И.И. Михельсон (1740—1807)* — во времена Пугачевского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из усмирителей Пугачевского восстания.

в Казань, в Следственную комиссию, учрежденную по делу Пугачева.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да дошел до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть на несколько еще месяцев, устрасала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV

СУД

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не вслушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым. Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали

меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Такое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!». Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик — дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении¹ и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?».

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как

¹ *Смятение* — здесь: смута, мятеж, беспорядок.

и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными извещениями¹ злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого

¹ *Извест (устар.)* — донос, клевета.

в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать божью в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного

приступа¹ он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горечь его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур² мой умер на лобном месте³, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым⁴. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

¹ *Приступ* — здесь: выступление.

² *Пращур* — предок.

³ *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. По преданию, возле него казнили важных государственных преступников.

⁴ *А.П. Волынский, А.Ф. Хрущев* — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия: казнены за «государственную измену».

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевортывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкой, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной¹ моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию² и, узнав, что Двор³ находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею

¹ *Нареченная* — объявленная, признанная всеми.

² *София* — почтовая станция недалеко от Царского села под Петербургом.

³ *Двор* — царский двор (царь и приближенные к нему лица).

разговорила, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева¹. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

¹ *П.А. Румянцев (1725–1796)* — крупный военачальник времени Екатерины II.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.
— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.
— Вы приехали с вашими родными?
— Никак нет-с. Я приехала одна.
— Одна! Но вы так еще молоды.
— У меня нет ни отца, ни матери.
— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?
— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.
— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным, но вдруг ее лицо переменилось, — и Марья Ивановна, следившая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились?» — спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей¹ вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном²?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны...

¹ Камер-лакей — придворный слуга.

² Роброн (устар.) — широкое женское платье.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру¹».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплавав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не любопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению²; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от*** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей

¹ *Свекр* — отец мужа.

² *Именное повеление* — повеление царицы или царя.

показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приислав к каждой главе приличный¹ эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель. 19 окт. 1836

Вопросы и задания

1. Усвойте смысл ранее неизвестных вам слов и терминов, указанных в сносках произведения «Капитанская дочка».

2. Что такое эпиграф? Сформулируйте его роль в художественном произведении и в частности в произведении «Капитанская дочка», каждая глава которого снабжена эпиграфом.

3. Почему А. Пушкин назвал свою повесть (роман) «Капитанская дочка», хотя центральная тема – Пугачевское восстание, а главный герой – молодой дворянин Петр Гринев, начинающий свою военную карьеру в драматических ситуациях.

К разбору повести «Капитанская дочка»

1. Кратко перескажите содержание повести.

2. Раскройте взаимоотношения Петра Гринева и Пугачева. Определите, в какой степени виноват Петр перед судом за связь с Пугачевым. Можно ли его считать изменником родины?

3. Предательство – один из худших человеческих пороков. Проанализируйте предательство Швабрина на бытовом и сословном уровне.

4. Кратко расскажите о судьбе Машеньки Мироновой. В чем состоит ее счастье и горе? И как драматизм ее жизненных ситуаций повлиял на формирование ее характера – заботливого и мужественного.

¹ Приличный – здесь (устар.): подходящий, соответствующий.

5. Отыщите в произведении эпизоды испытания характера Гринева и покажите их влияние на становление его личности.

6. В чем видит Гринев несчастья войны и почему называет русский бунт «бесмысленным» и «беспощадным»?

7. Как вы понимаете, что такое художественный вымысел?

Советуем прочитать

А.С. Пушкин. «Повести Белкина», «Арап Петра Великого».

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814–1841)

**Ослепительным метеором
промелькнул гений Лермонтова
на сумрачном небе тридцатых
годов XIX века.**

А. Луначарский

Яркой небесной вспышкой прожил Михаил Юрьевич Лермонтов свою короткую, но творчески богатую жизнь. Ему было всего лишь 27 лет, когда его, равно как и Пушкина, убили на дуэли. Однако он оставил такое неподражаемое яркое поэтическое наследие, что Ираклий Андронников¹ приравнивал его гений к великому Пушкину.

Родился Лермонтов в Москве в октябре 1814 года в дворянской семье отставного капитана Юрия Петровича Лермонтова. Его музыкально одаренная мать, Мария Михайловна, умерла, когда ему не было еще и трех лет от роду. Воспитывался он у бабушки в ее имении под Пензой. Усадьба бабушки в селе Тарханы — это старинный сад с теннистыми аллеями и голубой сонный пруд, душистое разнотравье на лужайке рядом с домом да белая, как лебедь, небольшая церковь, вокруг которой — черные избы крепостных крестьян. Лермонтов был мальчиком со слабым здоровьем. Бабушка часто возила его на Кавказ лечиться минеральными водами. Кавказ с его суровыми величественными горами в заснеженных вершинах, синим небом с белоснежными барашками облаков и безмятежными, гордо парящими в небе орлами покорили сердце будущего поэта. Позже Лермонтов

¹ И. Андронников — исследователь творчества Лермонтова.

написал стихи о Кавказе, отразившие первые детские впечатления о нем:

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.

Впечатлительный, любознательный, одаренный недюжинным талантом четырнадцатилетний Лермонтов переезжает в Москву, учится в пансионе Московского университета, где царит дух свободомыслия. Здесь он познакомился с вольнодумными стихами Пушкина, Рылеева, Полежаева, Грибоедова. Под впечатлением их произведений юный Лермонтов увлеченно пробует силы в поэзии. В ранних стихах прославляет «знания вольности правовой», «воинственных славян святуя колыбель», поет славу «гордому Кавказу».

После пансиона Лермонтов учился в Московском университете вместе с Белинским, Герценом, Огаревым, которые, несомненно, оказывали на него свое вольнодумное влияние. По характеру деятельный, трудолюбивый Лермонтов в своих ранних стихах откровенно сообщил:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал...

Бессмертие Лермонтову уготовано самой природой, наделившей его множеством талантов. Он обладал красивым голосом и абсолютным музыкальным слухом, великолепно играл на фортепиано и скрипке, вдохновенно исполнял сложные арии из опер, сочинял музыку. Он раскрылся и как художник-живописец, писал картины маслом, владел карандашным рисунком. Из Лермонтова получился бы и большой шахматист, и сильный математик. Широко образованный, начитанный, всесторонне развитый Лермонтов знал несколько иностранных языков. Все ему давалось легко.

Лермонтов уже в юные годы знал себе цену, осознавал свою природную гениальность, гордился этим и готовил себя в большую творческую жизнь. Его нередко сравнивали с поэтом-романтиком Байроном. А он возражал:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Русская поэтическая душа Лермонтова искала свое счастье в «мятежных бурях», в стремлении дать свободу своему закрепощенному народу. Это выражалось в шумных студенческих протестах против реакционной профессуры, за что он был исключен из университета. Волею судьбы он оказался курсантом юнкерской кавалерийской школы в Петербурге. Наступили черные дни казарменной жизни, строевой муштры — маршировок, парадов, постоянных строевых занятий на ротном плацу. И даже в этой изнурительной обстановке солдатского быта Лермонтов не оставляет занятия литературой — сочиняет стихи, тайком пишет роман о пугачевском восстании.

Окончив кавалерийскую школу, Лермонтов стал офицером и был зачислен в лейб-гвардейский гусарский полк. Романтик по натуре, вольнодумец по убеждениям, тонкий наблюдатель жизни от природы Лермонтов окунулся в светскую жизнь Петербурга, как губка, впитывая все своеобразие и многообразие праздной жизни петербургского дворянства. Свои многочисленные наблюдения из жизни столичного света он с поразительной смелостью воспел в драме «Маскарад», резко обличая пороки и привычки петербургской аристократии. Эта пьеса была запрещена царской цензурой.

Воспитанный бабушкой на народных традициях, на богатой народной поэзии, в которой немало произведений исторической тематики, Лермонтов увлекается русской

историей и пишет произведение исторической тематики — «Песню про царя Ивана Васильевича¹, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Это произведение снискало поэту признательность широкого читателя и взыскательной критики.

Вскоре Лермонтов приходит в пушкинский журнал «Современник», приносит свое стихотворение «Бородино» — одно из лучших поэтических произведений о сражении русской армии с «непобедимым» французским войском под Бородином в Отечественной войне 1812 года. Это стихотворение он впервые публикует под своей фамилией. Оно написано от лица старого артиллериста, который поведал читателю о славных воинских подвигах русской армии, о патриотических чувствах героев Бородинского сражения — солдат и офицеров. А.С.Пушкин, который не был лично знаком с Лермонтовым, высоко оценил это его произведение.

Черным ураганом облетела Петербург весть о дуэли Пушкина с Дантесом, смертельно ранившим великого поэта. Через два дня Пушкина не стало. Это было всенародное горе, наполненное гневом против иностранца Дантеса, который ненавидел все русское.

В эти скорбные дни в Петербурге распространилось в рукописи стихотворение «Смерть поэта», написанное Лермонтовым. Стихотворение, наполненное неизбывной душевной болью поэта, дышало гневом против вдохновителей этого подлого акта — убийства великого Пушкина, творчество которого признано во всем мире и не оценено по достоинству праздным петербургским светом.

Смелые стихи Лермонтова дошли и до царского двора. Правительство Николая I и сам царь увидели в новом «вольнодумце» Лермонтове политическую опасность. И поэт был сослан на Кавказ, подальше от Петербурга — в военную экспедицию, воевавшую против горцев.

¹ Царь Иван Васильевич — в просторечии Иван Грозный.

Почти год пробыл Лермонтов в этой опасной ссылке, участвовал в боевых действиях, побывал в Тифлисе (ныне Тбилиси), в Кахетии, в Мцхете, проехал по Военно-Грузинской дороге, познакомился с выдающимися представителями грузинской и азербайджанской культуры – поэтами, писателями, музыкантами, художниками-живописцами. Здесь он подружился с поэтом-однополчанином Александром Ивановичем Одоевским.

Зимой 1838 года Лермонтов возвратился в Петербург. Царского соизволения добились его бабушка и друзья. Он был полон творческих замыслов. Погруженный в мир поэтических образов, Лермонтов работает над романтической поэмой «Демон». А затем в 1839 году приступает к созданию своей бессмертной поэмы «Мцыри». Замысел этого произведения стал складываться еще 9 лет назад в пансионе Московского университета – романтически воспеть судьбу свободолюбивого монаха, прозябавшего в монастырской неволе. Однако замысел претерпел значительные изменения. Героем поэмы стал не монах, а горец по имени Мцыри, взятый в плен генералом Ермоловым. Место действия в поэме – городок у слияния двух рек – Куры и Арагвы. Этот городок, Мцхета, – древняя грузинская столица.

Поэма «Мцыри» по духу, поэтическим краскам и образам сближается с народной грузинской поэзией. Однако в целом и по частям поэма «Мцыри» – оригинальное, самобытное произведение. В образе Мцыри Лермонтов иносказательно воплотил и свое тягостное настроение, вызванное неприятием светской жизни Петербурга. Лермонтов томился в душных дворянских гостиных среди развлекающихся столичных бездельников, светских щеголей, вельмож от культуры и искусства.

27 июля 1841 года произошла умело организованная «политиками» от искусства дуэль Лермонтова с Мартыновым, которую друзья поэта и его поклонники окрестили как «преднамеренное убийство» свободолю-

бивого поэта. Зная, что Лермонтов не сможет стрелять в человека в упор, как это и было в дуэли с французом Барантом, враги Лермонтова сделали условия дуэли чрезвычайно нелепыми. Дуэлянты имели право подойти на любое расстояние для выстрела. И обстановка была самая неприятная. Собиралась гроза, застучали крупные капли дождя, и секунданты заторопили дуэлянтов. Лермонтов и на этот раз поступил благородно. Он выстрелил вверх, не желая глупой крови. Но Мартынов не оценил этого благородства. Приблизившись к Лермонтову так, чтобы выстрел был неотвратимо смертельным, прицелился в сердце поэта и нажал курок. Прозвучал трагический выстрел. Лермонтов упал, а над ним в это время зловеще сверкнула молния и раскатом грянул в небе мощный гром, как бы извещающая мир о подлом убийстве поэта. Когда царю доложили об этой трагедии, то он жестко ответил: «Туда ему и дорога. Вычеркнуть из списков».

Лермонтов воплотил в себе лучшие человеческие качества — мужество, благородство, свободолюбие, честь и честность. «Поэт в России — больше, чем поэт», — таким был и Лермонтов. В его поэтических произведениях мысли, образы, романтические картины человеческого бытия всегда современны. В годы войны, например, его стихотворение «Бородино» было той светлой окопной правдой, с которой бойцы шли в атаку и которая облегчала страдания раненым.

Вопросы и задания

1. Расскажите о детстве Лермонтова.
2. Какова роль бабушки в воспитании будущего поэта?
3. Как развивалось литературное творчество поэта, что этому способствовало?
4. Что послужило причиной первой ссылки Лермонтова на Кавказ?
5. Почему Лермонтов не стал стрелять во француза Баранта во время дуэли с ним?
6. Расскажите о дуэли и смерти Лермонтова. Раскройте истинные причины дуэли.

7. В чем проявилось благородство Лермонтова в дуэли и чего стоило ему это благородство?

8. Прочитайте стихотворение «Тучи», письменно сделайте анализ этого стихотворения по трем его частям: обращение к тучам и чем вызвано это обращение; смысл вопросов поэта «кто же вас гонит» и ответ самого автора на них.

9. Какие произведения Лермонтова вам известны?

ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Лирика классика русской поэзии Лермонтова с ее многообразием форм и тематическим богатством содержания в сочетании с музыкальной мелодичностью стиха — признанное достояние русской и мировой культуры. Лирический герой Лермонтова — это образ самого поэта, поэтическое раскрытие реального авторского «Я». Лирический герой Лермонтова еще и способ раскрытия личных переживаний и авторского сознания, реализованного в поэзии. Внешний мир в зрелой лирике как бы разделен на два противоборствующих лагеря — светское общество, выраженное главным образом в мотивах протеста и его отрицания («Как часто, пестрою толпою окружен» и др.); крестьянская или солдатская стихия («Бородино», «Родина» и др.). Поэтическое «Я» Лермонтова с годами становится все ближе к народной жизни, тогда как в ранней лирике народ был представлен безликой, инертной массой, над которой возвышался демонический образ мятежника-одиночки («... А он, мятежный, просит бури», «Тучки небесные, вечные странники... мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники»). Лирический герой чужд обществу, «гонимый миром сознания», смело бросивший вызов «земле и небесам», отвергающий тихие пристани человеческой любви, христианского смирения, житейский покой. Он своим сознанием стоит значительно ближе к «простым» людям, разделяя их «страсть и мятежный порыв к свободе», горечь от утраченных надежд («Сосед», «Соседка», «Валерик»).

Лермонтовский лирический герой постоянно пребывает в поиске познания подлинных переживаний обыкновенного «простого» человека, который, как и он — лирический герой — страдает от ощущения своего одиночества. Однако «трагизм бытия» — этого нравственного чувства поэта — созвучен с чувством «простых» людей: «милый соседки», умирающего «брата-армейца», светской женщины, не утратившей целомудрия.

Многообразен ритмико-интонационный строй лирики Лермонтова. В его стихотворениях «Кавказ», «Соседка», «Пленный рыцарь», «Завещание» ритмика столь богата и свежа, а рифмовка так разнообразна и порой неожиданна, что теряется жесткость строгой организации стиха, ощущается личная свобода восприятия текста.

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

Как видим, первая строка («дней») рифмуется с четвертой строкой («моей»), а вторая строка («от вас») совершенно неожиданно рифмуется с третьей («раз») и совсем неожиданно пятая строка — короткая, как выстрел, одновременно рифмуется со второй («вас») и третьей («раз»). Укороченная пятая строка «Люблю я Кавказ» выступает рефреном во всем стихотворении, придавая ему особое ритмико-интонационное построение поэтической речи.

В стихотворении «Соседка» и рифмовка, и ритмика совершенно другие:

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы,
И окно высоко под землей,
И у двери стоит часовой!

Здесь рифмуются первая строка со второй, третья — с четвертой. Схема рифмовки — а а б б.

Интонация стихотворения грустная, лирический герой теряет надежды дожидаться свободы; рифмовка слов «свободы — годы» и «земной — часовой» вызывают щемящее чувство обреченности героя. В стихотворении от первой строки до последней слышится мотив безысходности, несбыточной мечты о возможной встрече с такой же узницей, как и он, ибо их разделяет «двойная решетка окна», которую не одолеть. Иногда эта безысходность сменяется светлой мечтой о встрече с узницей, которую он успокаивает: «не грусти, дорогая соседка... Захоти лишь — отворится клетка». И успокоенный сам, он рисует в своем воображении картину возможной тайной встречи, которая все же вряд ли состоится, т.к. свободы герою никак не дожидаться:

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Однако общая тональность стихотворения «Соседка», хоть и наполнена светлым чувством надежды («И, как Божии птички, вдвоем Мы в широкое поле порхнем»), остается печальной, наполненной ощущением безысходности, невозможности получить желанную свободу.

В этой же тональности начинается и стихотворение «Пленный рыцарь», который «молча сидит под окошком темницы», закованный в загадочный «панцирь», со щитом «заколдованным».

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

В следующей строфе (в четверостишии) герой расшифровывает атрибуты пленника, которые содержат иной смысл:

Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решетка бойницы,
Каменный панцирь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.

В опустошенной душе лирического героя нет ни «молитвы» о спасении, ни песни о своей любимой. Ему плохо и «душно в темнице», и он просит: «мчись же быстрее, летучее время», чтобы дотянуть до финала, когда «смерть» станет его «властелином».

В стихотворениях «Соседка», «Кавказ», «Пленный рыцарь», «Листок», «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» и др. запечатлено общее пессимистическое, всегда наполненное откровенной грустью и печалью настроение поэта, не покидавшее его до конца жизни.

«Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она всегда сквозит во всех его стихах. Это не отвлеченная мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумья Лермонтова — его поэзия, его мученье, его сила», — писал о нем А.Герцен.

СОСЕДКА

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы,
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желание одно
Да с двойною решеткой окно,

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго, вздыхая, —
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — откроится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.
Когда зари румяный полусвет

В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживают вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

* * *

[Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно: война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы, и чистят оружие, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.]

1832 г.

ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;

Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая

В зале мраморном журчал,
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль,
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно

Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... Все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея, –
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

Вопросы и задания

1. Сделайте идейно-тематический анализ стихотворения «Соседка», раскройте смысл мечты поэта о встрече с соседкой, кто она – эта «узница»?

2. Разберите и охарактеризуйте ритмико-интонационное построение стихов «Кавказ», «Пленный рыцарь».

3. Напишите домашнее сочинение на тему: «Образ лирического героя – поэтический мир Лермонтова».

4. Расскажите о причинах любви поэта к Кавказу; дайте характеристику вольного парения орла над седыми горами Кавказа.

5. Дайте определения символическим образам в лирике Лермонтова, раскройте их «скрытый» смысл.

6. Кто такой «пленный рыцарь»? Почему, «глядя на вольных птиц», лирическому герою «и больно и стыдно»?

7. Как вы думаете, о чем стихотворение «Завещание», к кому и зачем обращается лирический герой?

8. Какое общее настроение поэта вы находите в лирике Лермонтова?

ПОЭМА «МЦЫРИ»

«Мцыри» – одно из последних классических произведений в русской романтической поэзии. Поэма появилась на свет в 1839 году, когда реализм в русской литературе стал набирать «господствующие» высоты, занимая ведущие позиции и в лирике.

Романтический герой поэмы – это герой-борец, активно, хотя и бесплодно протестующий против насилия над личностью. Ему не удалось добраться до «родной страны», «где люди вольны, как орлы». Конечно, Лермонтов понимал, что свобода личности – это лишь романтическая, невыполнимая мечта. Однако

он преследовал вполне конкретную цель, изображая трагическую судьбу Мцыри. Поэт прославляет саму попытку поиска путей к личной свободе, поет гимн могуществу человеческой воли, воспеваает мужество и мятежную душу героя, вступившего в борьбу с насилием. И здесь важны не сами результаты борьбы, в которой предельно трагическое завершение, а помыслы мятежного героя, его смелая попытка обрести личную свободу. Мцыри не только герой, но и исповедальный рассказчик.

Основу сюжета поэмы составляет романтическая ситуация – бегство героя Мцыри из монастыря, который для его вольной натуры представляется темницей, тюрьмой, куда он попал по воле русского генерала, пленившего ребенка во время сражения. Романтический конфликт поэмы обусловлен «могучим духом» исполинской натуры Мцыри, его неодолимой волей и решительностью. Хотя этот побег из монастырской темницы в свою естественную среду кавказской природы не приводит к реализации мечты об «орлиной вольности», потому что сама эта природа оказалась враждебной его мечте. И в этом трагизм судьбы Мцыри.

Художественная форма поэмы – монолог-исповедь центрального героя. Такая форма повествования позволила автору глубоко и правдиво раскрыть психологию мятежного персонажа, показать богатство его внутреннего мира и основные черты характера.

Композиционно поэма состоит из авторской экспозиции, обозначающей основные вехи трагической судьбы Мцыри: экспозиция занимает две первые главы поэмы.

Первая часть поэмы (главы 3–8) представляет собой исповедь Мцыри монаху; вторая часть поэмы (главы 9–26) – монолог-рассказ героя о короткой вольной жизни во время побега. Бегство Мцыри, который «томим неясною тоской по стороне своей родной», из монастырской темницы продиктовано неодолимым зовом самой природы, всегда вольной и свободной, как ветер.

Не случайно в поэме значительное место занимают упоминания о ветре, птицах, зверях, о буйной кавказской зелени и небесах, в образах которых отображена природой одаренная сила духа героя, естественность его порыва к свободе в ущерб своему бытовому благополучию. Гонимый неодолимой страстью вырваться из оков человеческого бытия и слиться с родным ему миром свободной природы, с миром, который в конечном итоге оказался более враждебен, чем монастырская неволя. Чуждого «вольной юности», вольному сердцу романтического героя — «в тюрьме воспитанного цветка», воспитанного тоскливым одиночеством и неизбывной мечтой-страстью о дикой, как природа, своей свободе для своей родины — Грузии. Одолеваемый «тоской по родине святой», Мцыри спрашивает монаха:

Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?

Отчужденность Мцыри от человеческого общества («но верь мне, помощи людской я не искал... Я был чужой для них навек...») — психологическая потребность героя-бунтаря и стихийная привязанность к грузинской природе — дикой, суровой, но безмятежной и свободной, как сама душа беглеца. В исповедальной речи Мцыри признается монаху, что свобода для него не самоцель, а лишь средство найти свою родину — родную Грузию:

Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех небес,
И только...

Так что цель его побега заключается не столько в обретении личностной свободы, сколько для возвращения на родину. Он искренне поведал монаху, что

...я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданья голода, как мог.

В самом побеге из монастыря Мцыри находит вдохновение и смысл своего существования в родной кавказской природе:

Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

В споре с монахом, отвергая его взгляды на жизнь, в которой плен и прозябание, лирический герой утверждает мысль о том, что жить — значит познавать мир, наслаждаться его узнаваемыми красотами:

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей...

Называя монастырскую жизнь «тюрьмой», а свои прожитые три дня на воле «блаженными», Мцыри говорит:

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы...

И теперь становится понятным сам смысл эпиграфа к поэме «Мцыри» («Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю»), взятый поэтом из церковной книги (Библии) и означающий: «Я попробовал немного меду (т.е. свободы), и вот я умираю». Смысл эпиграфа обобщенно выражает

романтически окрашенную судьбу героя, который в своей жизни испытал немного радостей от обретенной свободы — всего три дня, суровых, полных опасностей, но сладостных и счастливых. И нет у него впереди больше ничего — только смерть...

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ! —

его родина несбыточной мечты и упоения.

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз
умираю².

Первая Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним

¹ *Мцыри* (груз.) — послушник, человек, живущий в монастыре, готовящийся стать монахом.

² Церковнославянское выражение из Библии. Смысл этого эпиграфа раскрыт на стр. 1403.

Кадила̀ниц¹ благово́нный² дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков³ за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.

¹ *Кадила̀ница* — металлический сосуд для курения фимиама (фимиам — благово́нное вещество для курения, ладан).

² *Благово́нный* — ароматный, душистый.

³ *Инок* — монах.

Из жалости один монах
Больного призрел¹, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Гоним неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет²,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель³ принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец⁴
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

¹ *Призреть* — дать кому-нибудь приют и пропитание.

² *Обет* — обещание. Изречь монашеский обет — удалиться от мира, приняв монашество.

³ *Обитель* — здесь: монастырь.

⁴ *Чернец* — монах.

3

«Ты слушать исповедь¹ мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.

¹ *Исповедь* — искреннее и полное признание в чем-либо.

Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных.
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живея
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,

Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл¹; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежелою толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!

¹ *Постылый* — нелюбимый, надоевший, вызывающий к себе отвращение.

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый¹ Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц² лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

¹ *Незыблемый* — неподвижный, твердый.

² *Ниц* — распростершись на земле или полу лицом вниз.

8

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей...

9

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней

Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

10

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь

Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

11

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел¹, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать²,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

¹ *Пламенел* — был очень сильно возбужден.

² *Изнемогать* — терять последние силы, выбиваться из сил.

Я вышел из лесу. И вот
 Проснулся день, и хоровод
 Светил напутственных исчез¹
 В его лучах. Туманный лес
 Заговорил. Вдали аул
 Куриться начал. Смутный гул
 В долине с ветром пробежал...
 Я сел и вслушиваться стал;
 Но смолк он вместе с ветерком.
 И кинул взоры я кругом:
 Тот край, казалось, мне знаком.
 И страшно было мне, понять
 Не мог я долго, что опять
 Вернулся я к тюрьме моей;
 Что бесполезно столько дней
 Я тайный замысел ласкал,
 Терпел, томился и страдал,
 И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
 Едва взглянув на божий свет,
 При звучном ропоте дубрав
 Блаженство вольности познав,
 Унести в могилу за собой
 Тоску по родине святой,
 Надежд обманутых укор
 И вашей жалости позор!..
 Еще в сомнение погружен,
 Я думал — это страшный сон...
 Вдруг дальний колокола звон
 Раздался снова в тишине —
 И тут все ясно стало мне...
 О! я узнал его тотчас!
 Он с детских глаз уже не раз
 Сгонял виденья снов живых
 Про милых ближних и родных,

¹ *Хоровод светил напутственных исчез* — скрылись звезды, сопровождавшие в пути.

Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

13

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничье
На имя темное мое.

14

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.

Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..

1839 г.

Вопросы и задания

1. Чем понравилась вам поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри»? Какие чувства вызвала она в вашей душе?
2. Расскажите о композиции поэмы. Почему вся жизнь героя поэтом изложена лишь в одной главе, а трем дням, проведенным на свободе среди природы, посвящена почти вся поэма?
3. Какие эпизоды из трех вольных дней Мцыри вам больше всего запомнились?
4. Какие чувства посетили вас, когда вы читали о смертельной схватке Мцыри с барсом?
5. Составьте перечень эпитетов, сравнений, символических образов из поэмы «Мцыри», дайте им свое толкование и свои характеристики.
6. С чем, с какой важной идеей связывает Мцыри свою мечту о свободе?
7. Выучите наизусть отрывок из поэмы «Мцыри», связанный с одним из эпизодов спора с монахом.
8. Раскаялся ли Мцыри в своей бесплодной страсти к свободе? О чем он мечтал, покидая ночью стены монастыря?

Обобщающие задания

1. Выпишите из поэмы цитаты, характеризующие любовь Мцыри к жизни и природе, жажду подвигов и борьбы, страстное стремление к свободе, тоску по родине.

2. Составьте устно характеристику Мцыри по плану:

а) Биография Мцыри; б) Основные черты характера; в) Чем нам дорог образ Мцыри?

Тема изложения: «Три дня на воле».

Советуем прочитать

М.Ю. Лермонтов. «Песня про купца Калашникова...», «Боярин Орша», «Смерть поэта», «Маскарад».

**Николай
Васильевич
ГОГОЛЬ**

❧

(1809–1852)

...Ни один другой писатель не закрепил после себя навечно такого числа ходячих героев, как Гоголь... Мы одарили Гоголя нашей жаркой, нашей искренней любовью к нему, к его потрясающим творениям.

К.А. Федин

Николай Васильевич Гоголь родился на Украине (Малороссии) в Сорочинцах. В небольшом имении Гоголей-Яновских прошли его детские годы. Здесь он получил первые навсегда запавшие в душу впечатления о буднях и праздниках простых деревенских людей деревни Васильевка — веселых, бесшабашных, трудолюбивых, открытых и искренних, дружелюбно-лукавых и насмешливых, позднее воспетых им в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и других произведениях. Родители Гоголя — мелкопоместные дворяне. Они не имели таких материальных возможностей, чтобы дать сыну хорошее образование. Будущий великий романтик-реалист и непревзойденный сатирик Николай Гоголь не имел гувернеров-иностранцев или разносторонне образованных талантливых русских учителей.

Однако всеохватная, ненасытная любознательность, тяга к знаниям, пытливый ум, увлечение литературным чтением с лихвой компенсировали будущему писателю семейные материальные трудности. В двенадцать лет от роду его определили в Нежинскую гимназию высших

наук, одно из лучших заведений того времени. Здесь преподавали высокообразованные учителя.

В детские годы Гоголь серьезно увлекался театром, часто играл в любительских спектаклях и, по свидетельству близких, пользовался у зрителей неизменным успехом как исполнитель комических ролей. В комедии «Недоросль» Фонвизина ему особенно удалась роль госпожи Простаковой. Так что, когда Гоголь приступил к созданию своего знаменитого «Ревизора», он не был новичком в драматургии и сценическом действе.

Из всех писателей современников Гоголя он особенно выделял А.С. Пушкина, которого боготворил и перед которым преклонялся до конца своей жизни. Высоко ценил его творчество и Пушкин, подсказавший Гоголю идею комедии «Ревизор». С Пушкиным и Жуковским, оказавшими положительное влияние на творчество великого сатирика, Гоголь знакомится, когда переезжает в Петербург. Решение посвятить себя сатире Гоголь принял еще будучи 16-летним юношей: «Я поклялся, — пишет он своей матери, — ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага». Это благо — беспощадная борьба с пороками людей, с недостатками «больного» общества первой половины XIX века. Однако великий художник-реалист мечтал — и в целом его мечта сбылась — «сказать святую правду» о самодовольных, глупых, беспечных «хозяевах» России, не обремененных высокой человечностью, высокой требовательностью. Смех — ядовитый, разящий, обличающий — стал оружием в руках гениального и смелого писателя. «О, смех! — великое дело! Ничего так не боится человек, как смеха!» — подчеркивал Гоголь, работая над своими сатирическими произведениями. Особенно ярко проявилась эта его «веселая» концепция в комедии «Ревизор». В этом произведении были преданы осмеянию чиновничья тупость, людская пошлость и безнравственность.

КОМЕДИЯ «РЕВИЗОР»

Первая половина XIX века при всем многообразии жизненных явлений и событий в России была отмечена еще одной особенностью: из множества существующих в России зол было господство той чиновно-бюрократической системы, где царили взяточничество, казнокрадство (т.е. коррупция), ложь, возводимая порой в ранг государственной политики. Пытливый, наблюдательный ум Гоголя все замечал, все видел, все критически оценивал, глубоко понимая, что зло законов жесткими юридическими мерами не победить. Нужен такой «положительный герой» в обществе, который бы обладал мощной силой воздействия на носителей этого живучего зла. Этот герой – острое комедийное слово, разящий смех.

Комедия «Ревизор» – одно из наиболее примечательных произведений Гоголя. Пьеса появилась в печати в 1835 году, и всего через год, т.е. в 1836 году, уже была поставлена в петербургском театре. Самую высокую оценку комедии дал взыскательный и самый авторитетный критик того времени В. Белинский, а также император Николай I, который заметил: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех».

Сюжет комедии предельно прост. Построен на совершенно обычной ситуации. В провинциальный городок, затерянный в неоглядных просторах России, должен приехать ревизор. Городничий – глава города, т.е. губернатор, сообщает собравшимся у него чиновникам «неприятное известие: к нам едет ревизор», и что он может появиться здесь «инкогнито»¹, а может быть уже и появился, живет где-нибудь, тайно приглядываясь к порядкам в городе. Но особенно обеспокоило чиновников то, что ревизор при себе имеет какое-то «секретное предписание». «Быть беде, – уверил городничий себя и все свое чиновничье окружение, – всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы». И все чиновники приходят в неудержимый ужас, ибо они

¹ *Инкогнито* – тайно, под чужим именем.

мгновенно поняли: их ждет разоблачение с тяжелыми последствиями. И этот страх так ослепляет их, что даже опытный, выдавший виды городничий принимает за ревизора человека, случайно оказавшегося в городе проездом. Зовут его Хлестаков. Это мелкий столичный чиновник. Он едет в Саратовскую губернию к отцу. Не сразу понял Хлестаков ситуацию, в которой он оказался по недоразумению. А когда понял, то разыгрывает перед чиновниками города роль значительной петербургской фигуры; осмелев, даже приударяет за дочкой городничего. И те охотно воспринимают Хлестакова именно таким, каким он хотел быть в их глазах. Этому способствует прежде всего само поведение городничего, который удрученно заявил: «Так уж, видно, судьба. До сих пор... подбирались к другим городам, теперь пришла очередь и нашему». Судью города «умного человека» Ляпкина-Тяпкина, видно, больше всего поразило употребленное городничим слово «подбирались». Раз «подбираются», значит «министерия» хочет «знать, нет ли где измены».

Так разворачивается в чиновничьей среде подхалимный ажиотаж. Пытаются задарить Хлестакова — кто взятками, кто обедами да пышными приемами, чтобы вызвать к себе доброе расположение «ревизора». Потом, когда все прояснится, когда «приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник» потребует городничего «сей час же к себе», он с удивлением и досадой признается, что какую-то «сосульку», затасканную «тряпку» принял за значительную личность — за ревизора из центра.

Жизненная основа комедии — сама действительность чиновно-бюрократической России, пребывающей в помещичье-крепостнической раскованности нравов, чинопочитании и слепом угодничестве «значительным» людям. Таким «значительным» увидели они в сущности пустышку Хлестакова, который в комедии выполняет очень важную сюжетно-композиционную роль.

И в этой суматошной суете, как гром с ясного неба, поверг всех в оцепенение и ужас: нежданно-негаданно прозвучали омертвляющие душу слова жандарма о том,

что приехал из Петербурга ревизор и требует «немедля прибыть к себе» городничего.

Пьеса завершается приемом «немой сцены», когда вся группа персонажей замирает в глубоком оцепенении.

Сюжет пьесы, характеры героев, события, представленные в «Ревизоре», основаны на жизненном материале России XIX века, знавшей множество похожих примеров. «В одной из ... губерний, и не отдаленной, был действительно случай, подобный описанному в «Ревизоре», — писал Г.А. Вяземский. — По сходству фамилий приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку являться. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы». Есть и другие свидетельства. С подобным сталкивается Пушкин. Когда-то он отправился в Нижний Новгород для сбора материалов (документов, рассказов старых людей, песен и легенд о Пугачеве и др.) о крестьянском восстании и его предводителе, его приняли в городе за «тайного ревизора». Есть свидетельства, что об этом факте Пушкин рассказал Гоголю, в воображении которого и родился сюжет пьесы «Ревизор».

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

(В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий¹.

¹ *Городничий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель¹ училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений².

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер³.

Петр Иванович Добчинский городские
Петр Иванович Бобчинский помещики.

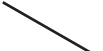
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Андреевич Люлюков отставные чинов-
Иван Лазаревич Растаковский ники, почетные
Степан Иванович Коробкин лица в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав⁴.

Свистунов полицейские.
Пуговицын

Держиморда

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

¹ *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-либо учреждением.

² *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить богу»). *Попечитель богоугодных заведений* — чиновник, ведавший ими.

³ *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

⁴ *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно серьезен; несколько даже резонер¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах² со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей³. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове⁴, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту

¹ *Резонер* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.

² *Ботфорты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.

³ *Девичья* — комната для девушек-служанок.

⁴ *Без царя в голове* — для понимания этого выражения сравните его с пословицей: «Свой ум — царь в голове».

роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина, и потому скорее догадывается, но не любит много говорить, и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные и чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы¹ их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение

¹ *Оригинал* — здесь: подлинник, прототип.

в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего

ЯВЛЕНИЕ 1

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных¹.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу,

¹ *Квартальный* — полицейский, под надзором которого находился один из городских кварталов.

между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...». Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув*). До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то¹, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил². Смотрите, по своей части я

¹ *Министерия* — здесь: правительство.

² *Предупредил* — предупредил.

кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре¹, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места². У вас, там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести

¹ *Натура* — природа.

² *Присутствие* — помещение, где происходит прием просителей.

его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник¹. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель² ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так Самим Богом устроено, и волтерианцы³ напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я

¹ *Арапник* — ременный кнут.

² *Заседатель* — член уездного суда.

³ *Волтерианец* — старинное произношение слова «вольтерьянец», — последователь французского свободомыслящего писателя и философа Вольтера (1694–1778) — так в XIX веке называли вольнодумцев, не считавшихся с существующими обычаями.

говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях¹, но имеют очень странные поступки, натурально² неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда

¹ Коллегия — здесь: учебное заведение.

² Натурально (устар.) — естественно.

зашел было в класс наш предводитель¹, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уж неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по ученой части. Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Добчинский и Бобчинский, оба входят,
запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожданное известие!

¹ *Предводитель* — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж слышали об этом от ключницы¹ вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... энтото... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в

¹ Ключница — служанка, ведавшая съестными припасами семьи.

трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном¹ платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечай на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу, не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует²: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня тут вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!».

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в

¹ *Партикулярный* — штатский, невоенный.

² *Аттестует* — здесь: обнаруживает свой характер, ведет себя.

Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию¹, — ревизор.

Городничий (в *страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная² прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, — больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина³.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена!⁴ Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношение! (*Хватается за голову*).

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

¹ *Нотиция* — здесь: письменное извещение.

² *Подорожная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определенным количеством почтовых лошадей.

³ *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем «святого». Праздники «святых» приходились на определенные дни года, и потому употребление имен «святых» нередко имело календарное значение.

⁴ Телесные наказания жен унтер-офицеров были запрещены.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову¹, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»²...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхашь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно³, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп⁴ давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет

¹ *Голова* — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

² *Иоанн Масон* — английский религиозный писатель.

³ *Приватно* — частным образом.

⁴ *Габерсуп* — овсяной суп.

в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон¹ не разрешит, что в ней правда, и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений,
смотритель училищ и почтмейстер уходят и в
дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите ради бога: куда вы запропалились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе².

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать

¹ *Соломон* — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.

² *Пожарная труба* — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная труба», т.е. насос.

наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу¹: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. *(Берет вместо шляпы футляр.)* Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий *(бросая коробку.)* Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована² сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниз³ наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

¹ *Служба* — здесь: солдаты и нижние полицейские чины.

² *Ассигновать* — выделить деньги.

³ *Гарниз* (пренебр.) — гарнизонные солдаты.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ 1

Осип лежит на барской постели.

Черт поberi, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны²; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка³ простой! С приезжающими знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности⁴, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная⁵: кеатры⁶, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривают все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Шукин⁷ — купцы тебе кричат: «Почтенный!»;

¹ *Профинтить* (разг.) — истратить зря.

² *Прогонь* — плата за проезд на почтовых лошадях.

³ *Елистратишка* — искажение «регистратор». Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (14-го класса).

⁴ *Публичность* (устар.) — наличие публики, общества.

⁵ *Политичный* (простореч.) — вежливый, обходительный.

⁶ *Кеатр* — искаженное слово «театр».

⁷ *Шукин* (двор) — один из петербургских рынков.

на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер¹ расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою*). Галантерейное², черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублев полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту³, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. (*Поспешно схватывается с постели.*)

¹ Кавалер — здесь: бывалый солдат.

² Галантерейное — галантный, любезный, вежливый.

³ Прешпект — искаженное слово «проспект».

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдает фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри, там в картузе¹ табаку нет?

Осип. Да где же ему быть, табаку! Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет; я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких широмыжников² и подлецов видали».

¹ *Картуз* — здесь: бумажный мешочек, напоминавший головной убор; в нем продавали табак.

² *Широмыжник* (правильно: шаромыжник) — тот, кто любит поживиться за чужой счет.

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: «Этак всякий, приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую¹, да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает². Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овощенных лавках³ ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта»⁴, потом «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

¹ Съезжая — помещение при полиции для арестованных.

² Штосы срезывать — выигрывать в карты (штос — азартная карточная игра).

³ Овощенная лавка — мелочная лавка, где можно было купить хлеб, табак, селедку, колбасу и т.д., а в овощной лавке, кроме овощей, ничего не продавалось.

⁴ «Роберт-Дьявол» — название оперы французского композитора Мейербера.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.
Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге
смотрят несколько минут один на другого,
выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув
руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Мое почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника
здесьнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим
и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к
концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. Я не
виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую
твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул
туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня
морил голодом по целым дням... Чай такой странный:
воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не
виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая.
Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения
хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если
что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать
со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на
другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы
имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в
Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, господи ты боже,
какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые
купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаками по столу.*) Что вы? что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покушаться.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести, или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему, вместо двухсот, четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому

¹ Турусы — выдумка, вранье.

ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию, хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу¹ и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца припел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности; душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил

¹ *Владимир в петлице* — орден Владимира 4-й степени, который носили в петлице мундира.

его. Ну, да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставляю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать, или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей.
Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием¹ и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош: я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с².

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено,

¹ *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

² *Лабардан* — свежепросоленная треска.

такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже Ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность¹ и было довольным?...» Наградит ли оно, или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью² всё прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский. (*Добчинскому*.) Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*.) Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух*.) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки

¹ *Ревность* — здесь: старание.

² *Добродетель* — положительное нравственное качество человека.

никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал¹ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь² тогда, как нужно гнуть от трех углов³.... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

¹ *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

² *Забастовать* — здесь: перестать увеличивать ставку в карточной игре.

³ *Гнуть от трех углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка¹ показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comparez vous², в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!». Я только на две минуты захожу в департамент³, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором⁴ сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мной со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу».

¹ Вояжировка — путешествие.

² Понимаете ли (франц.)

³ Департамент — отдел министерства.

⁴ Коллежский асессор — гражданский чин VIII ранга.

(Городничему.) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе. { Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!
Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!». А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты¹ и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики²... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...». Большой оригинал³.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро»⁴, «Роберт-Дьявол», «Норма»⁵. Уж и названий даже не

¹ *Гауптвахта* — арестантское помещение для военных.

² *Водевиль* — небольшая легкая комическая пьеса с пением куплетов.

³ *Оригинал* — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.

⁴ «*Женитьба Фигаро*» — комедия французского драматурга Бомарше.

⁵ «*Норма*» — опера итальянского композитора Беллини.

помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!». И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса¹, «Фрегат «Надежда»² и «Московский телеграф»³... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин⁴ дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»⁵ ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

¹ «Барон Брамбеус» — псевдоним русского журналиста О.И. Сенковского.

² «Фрегат «Надежда» — повесть Марлинского (А.А. Бестужева).

³ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

⁴ А.Ф. Смирдин — известный петербургский книгопродавец и издатель.

⁵ «Юрий Милославский» — роман М.Н. Загоскина.

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист¹ свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...». Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»². Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, естественно, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я

¹ *Вист* — карточная игра между четырьмя партнерами.

² *Ваше превосходительство* — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV рангов — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха, Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам Государственный совет¹ боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками)*.

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажите ли отдохнуть?.. вот и комната, и все, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий)*.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не

¹ *Государственный совет* — высшее государственное учреждение в царской России, рассматривавшее вопросы управления государством и обсуждавшее законопроекты.

был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: Государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение? (*Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся:*) Прощайте, сударыня!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени¹ уже не так.

Аммос Федорович (*высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*²). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже, вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Федорович (*в сторону*). Ну, все кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

¹ Анна 3-й степени — низшая степень ордена святой Анны.

² Ассигнация — бумажные деньги.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?».

Лука Лукич (*вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу*). Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник¹ Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим!..

...Лука Лукич молчит.

Хлестаков. ...Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос...сият... (*В сторону*.) Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич (*хватаясь за карманы, про себя*). Вот те штука, если нет! Есть, есть! (*Вынимает и подает, дрожа, ассигнации*.)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (*вытягиваясь и придерживая шпагу*). Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (*летит вон почти бегом и говорит в сторону*). Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

¹ Титулярный советник — гражданский чин IX ранга.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (*Помолчав.*) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.*) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец¹, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника...

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков *(проводя)*. Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! как вас! я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег займа — рублей чetyреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

¹ *Якобинец* — в эпоху французской буржуазной революции член крайне левой политической партии. В России в первой половине XIX века — вольнодумец.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения¹.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... Это все равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

¹ Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившие некоторые денежные операции.

Добчинский. То есть оно так только говорится, а рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да... (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам¹ и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

¹ *Сенатор* – член сената, высшего, судебно-административного органа царской России.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпроставляет их.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки – пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? (*Начинает писать.*)

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (*пишет*). А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков (*пишет*). Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатали!..

Хлестаков (*пишет*). Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря¹, катили и песни бы пели!.. (*Продолжает писать.*) Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать

¹ *Фельдъегерь* — правительственный или военный курьер.

с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свертывает и надписывает.*)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Дает Осипу письмо.*) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает:*) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» Черт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем¹ совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!». Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец² не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

¹ *Постой* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

² *Сиделец* (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте; я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, — ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш (*Вынимают деньги.*) Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы — я ни слова, я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взятки никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь...

ЯВЛЕНИЕ XV

Хлестаков, Марья Антоновна, Анна Андреевна и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! (*Протирает глаза.*)
Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених!
(*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай, Антон!
Ай, Антон! Ай, городничий! Вона как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня?.. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь бог послал городничему, — что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что может все сделать!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию¹ повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!». И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаеть где-нибудь у губернатора, а там — стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские...

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и

¹ *Кавалерия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне 1-й степени, голубую — при Андрее Первозванном).

чтоб у меня в комнате такое было амбре¹, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша»² не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

¹ Амбре — благоухание.

² «Отче наш» — молитва, которую заучивали еще в детстве.

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!» А прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось, постепенный ход всего, то есть дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...». И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из *гостей*. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка: заслуги привели к тому. (*В сторону.*) Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... (*Чихает.*)

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... (*Чихает.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор. Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой¹, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!». И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

¹ *Эштафета* (искаж. эстафета) — здесь: срочная почта.

Городничий (*запальчиво*). Как ни се ни то? Как вы смеее назвать его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчислил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

¹ *Жуировать* — развлекаться, вести веселую жизнь.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать.*) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте все!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает.*) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и...» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берет письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо (*Коробкину.*) Читайте!

Артеми́й Филиппович. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, все читайте! Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артеми́й Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (*в сторону*). Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе на!.. (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артеми́й Филиппович. Нет, уж читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпки́н-Тяпки́н в сильнейшей степени моветон¹...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает ад-*

¹ Здесь: человек дурного тона (от франц. *mauvais ton*).

рес.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой реприманд¹ неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*) Ох! и у меня триста рублей...

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьет себя по лбу*). Как я — нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. Что губернатор! (*махнув рукой*) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обру-

¹ Здесь: неприятность (от франц. *reprimande* — урок, выговор).

ченьем!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит себе самому кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того, что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер¹, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? — Над собой смеетесь!.. Эх, вы!... (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы² проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе³ похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского*).

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего.

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...». Нашли важную птицу!

¹ *Щелкопер* (устар.) — бумагомаратель, писака, враль.

² *Либерал* — здесь: свободомыслящий человек.

³ *Вертопрах* — легкомысленный, ветреный человек.

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет, первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Вопросы и задания

1. Вспомните и расскажите ведущие черты характеров персонажей из числа чиновников уездного городка.

2. Сформулируйте центральную тему произведения. Определите главного героя произведения. К какому роду литературы относится «Ревизор»?

3. Что способствовало Бобчинскому и Добчинскому принять Хлестакова за ревизора из центра?

4. Назовите ведущие черты характера Хлестакова.

5. Назовите имя того человека, который подарил Гоголю тему пьесы «Ревизор».

6. Чем объяснить развязность и несдержанность Хлестакова в рассказах о его петербургской жизни, якобы одного из влиятельных лиц – государственного человека?

7. Что хотел сказать зрителю Гоголь «немой сценой» в финале пьесы?

8. Каковы жизненные и нравственные позиции городничего, обладает ли он общественным и государственным сознанием?

9. Вы считаете поступок почтмейстера Ивана Шпекина нравственным или безнравственным, который, перехватив письмо Хлестакова, предал его огласке в чиновничьем обществе городничего Сквозник-Дмухановского? Какова идейно-художественная роль поступка почтмейстера в пьесе?

10. Напишите домашнее сочинение на тему «Мир казнокрадов и взяточников в «Ревизоре». Раскройте их взгляды на казнокрадство.

11. Как вы понимаете «мудрое» умозаключение попечителя богоугодных заведений Земляники – лечить надо способом «ближе к натуре»?

12. Насколько искренен Хлестаков в сцене «объяснения в любви» с Анной Андреевной, затем с Марией Антоновной? Какие идейно-художественные цели преследовал Гоголь, создавая эти сцены?

Советуем прочитать

Н.В. Гоголь «Женитьба», «Вечера на хуторе близ Диканьки».

ОСНОВА ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Словесное искусство, по определению Белинского, разделяется на три рода – *лирика* (поэзия), *драма* (драматургия) и *эпос* (проза). Гоголевская комедия «Ревизор» – образцовый представитель драматического рода.

Драматическим произведением (пьесой, скетчем) называется такая форма словесного искусства, которая предназначается для исполнения на сцене.

Драматургическое произведение представляет собой логически построенные монологи, диалоги, реплики и авторские ремарки.

Диалогом называется разговор между двумя или более персонажами в пьесе. Классический пример такого диалога — разговор во 2-м действии комедии «Ревизор» между городничим Сквозник-Дмухановским и Иваном Хлестаковым.

Монологом называется собственная речь героя пьесы, обращенная к действующим лицам или самому себе. Обратим внимание на монолог городничего в начале первого действия комедии «Ревизор» о предполагаемом появлении в уезде ревизора из Петербурга. Драматург обозначает ведущие черты городничего, которые будут раскрыты в ходе сценического столкновения с другими персонажами пьесы.

Реплика — это краткое высказывание героя по какому-либо конкретному сценическому действию. По существу реплики формируют диалог и часто несут в себе его главную мысль. Вспомним для примера реплику городничего в начале пьесы, которая собственно и начинает все сценическое действие в комедии.

Авторская ремарка — элемент пояснительного или уточняющего свойства авторского вмешательства в сценическое действие пьесы. К примеру: «Осип лежит на барской постели», «ходит по комнате», «отдает фуражку и тросточку». Часто авторская ремарка заключается в скобки: «городничий (робея)», «Хлестаков... (бодрится)» и т.п.

**Иван
Сергеевич
ТУРГЕНЕВ**

(1818–1883)

В современном русском обществе едва ли найдется хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнесся с изумительнейшей чуткостью, которого он не попытался истолковать...

М. Салтыков-Щедрин

И.С.Тургенев — один из замечательнейших мастеров художественного слова, в совершенстве владеющий богатством русского литературного языка. Тонкий знаток дворянского быта, психологии своих героев, Тургенев большой мастер изображения характеров, изумительно точных, обогащенных глубоким смыслом картин русской природы и жизни русских людей. Представитель старинного дворянского рода, восходящего к эпохе царя Ивана Грозного, И.С.Тургенев неоднозначно относился к своему сословию. Истинный дворянин, аристократ по воспитанию, умеренный противник крепостничества, «постепеновец»¹ по мировоззрению и политическим убеждениям Тургенев в своих произведениях выступал искренним и честным критиком дворянства второй половины XIX века. Его собирательные образы (Рудин, Ася, Инсаровы и др.) правдиво отображают вырождение дворянства, охотно потребляющего материальные и

¹ *Постепеновец* — противник революционных преобразований жизни, сторонник постепенных улучшений.

духовные ценности, ничего не создавая взамен. Дворянство — наиболее образованная, когда-то влиятельная часть российского общества, теперь остро критикующая изъяны в государственном устройстве, но ничего не делающая для его оздоровления. Представители этой части дворянства и являются предметом художественного изображения в ряде произведений И. Тургенева. Литературная критика обозначила таких дворян как «лишних людей».

И. С. Тургенев — писатель мужественный, самокритичный, человек в высшей степени честный и порядочный. Художественная правда его романов и повестей — это такое правдивое освещение своего «больного» сословия, что нередко писатель подвергался острой критике.

Отец его, Сергей Николаевич, будучи молодым поручиком кавалерийского полка, женился на богатой помещице Варваре Петровне Лутовиновой, чье имение находилось в Орловской губернии и давало солидные доходы от крепостных крестьян. Умная, образованная, обладающая сильным характером и тонким вкусом, Варвара Петровна была натурой эгоистичной, деспотически властной по отношению к крестьянам и дворовой челяди. Она слыла хорошей хозяйкой в доме и в имении, содержала свои финансы в безупречном состоянии. Сергей Николаевич, напротив, занят был только собой, ни в какие дела имения не вмешивался, что в общем-то вполне устраивало волевою, энергичную Варвару Петровну.

Несколько лет семья Тургеневых жила в Орле. Здесь родился первый сын, затем через два года — 9 ноября 1818 года появился на свет будущий талантливый писатель Иван. Его детство прошло в усадьбе Спасское-Лутовиново. Мать сердцем чувствовала «неземное дарование» своего любимца Ивана. Требовательная к себе и особенно к дворовой челяди, она так же относилась и к детям, проявляла порой к ним свой жесткий характер, добиваясь от Ивана подчеркнутого обожания. Иван безгранично

любил мать, но тяготился ее суровой опеки, доходившей до несправедливых наказаний даже за мелкие детские шалости. «Я родился и вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, шипки, колотушки, пощечины и пр., — вспоминал позже Тургенев. — Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне». Подросток Иван удивлялся, как в матери уживаются и холодная жестокость к людям и любовь ко всему красивому — цветам, природе, птицам, голубому небу. Она постоянно заботилась о красоте роскошного лутовиновского парка, равного которому не было во всей Орловской губернии. Она создала домашний театр, в доме имелась прекрасная библиотека, в которой Иван был одним из постоянных читателей. Варвара Петровна не жалела ни сил, ни денег, ни времени на то, чтобы дети — Николай и Иван — получили хорошее светское образование. И ее усилия не пропали даром. Особенно радовал ее Иван, который уже в раннем детстве владел французским, немецким и английским языками — умел грамотно писать и хорошо, почти без акцента, говорить. А знание родного языка — русского — было предметом особой материнской заботы.

Когда Ивану исполнилось 9 лет, родители переехали в Москву, чтобы дать своим детям «европейское» образование. Какое-то время Иван учился в частном пансионе, были наняты известные в то время учителя, готовившие будущего писателя к поступлению в Московский университет. Усилия родителей были не напрасны. В 15 лет Иван Тургенев успешно сдал вступительный экзамен в Московский университет, стал студентом. А по окончании первого курса он с родителями переехал в Петербург — центр русской культуры и науки.

Здесь, в Петербургском университете, Тургенев изучает литературу, историю, совершенствует знания иностранных языков. Но больше всего увлекается философией и мечтает когда-нибудь стать профессором философии. Но в перерывах между занятиями пробует свои силы и в художественном творчестве. Пишет роман-

тически окрашенные стихотворения, создает первую свою драматическую поэму «Стено».

Окончив Петербургский университет, обнаружив при этом большие способности к разносторонним научным знаниям, Иван переезжает в Германию, учится в Берлинском университете. Изучает латынь, греческий, готские языки, совершенствует знания французского и немецкого языков, глубоко изучает историю Европы, немецкую, английскую, французскую, итальянскую литературу, увлекается живописью, музыкой, театром. В Италии знакомится с античным и современным итальянским искусством, в Швейцарии – с ее культурой.

И судьба сводит его с известным писателем и крупнейшим лингвистом Владимиром Ивановичем Далем, под руководством которого ему довелось работать в одном из государственных учреждений. Счастливый случай – да и только! Литературные интересы того и другого, глубокие познания богатства и сочности великого русского языка сблизили их. Эта дружба сыграла значительную роль в становлении писателя.

Тургенев за короткое время создает ряд замечательных произведений: поэмы «Помещик» и «Разговор», повесть «Андрей Колосов», рассказы «Бретер», «Три портрета», пьесы «Неосторожность» и «Безденежье». В этих художественно ярких, стилистически своеобразных произведениях, в романтически окрашенных характерах героев с их возвышенными чувствами, светлыми мечтами в полной мере раскрылись душевный настрой, кроткое и нежное сердце писателя.

Но это были последние его сочинения в духе романтизма, уступающего свои ведущие черты новому направлению – реалистическому.

Окончательно порвав с романтическими грезами, Тургенев в течение пяти лет (1847–1851) создает серию очерков, направленных против крепостного права, показывая лучшие человеческие качества крестьян – неподдельную доброту, простоту и мудрость человеческих

отношений крепостных, душевное богатство, непосредственность, поэтичность их натур.

Эти очерки объединены под общим названием «Записки охотника». В первом очерке, например, «Хорь и Калиныч» автор показывает душевную красоту двух крестьян — житейски мудрых, правдивых, наделенных тонкими человеческими чувствами. Нежная дружба, свободная от корысти и ханжества Хоря и Калиныча, не схожих ни характерами, ни житейскими наклонностями. Хорь рассудителен, практичен, в поступках решителен. Автор сравнивает его с Петром Первым, с его деятельной натурой; Калиныч эмоционален, человек пылкой натуры, поэтичен, влюбленный в природу, знает цену всему красивому, полезному для людей. Разные по характеру Хорь и Калиныч гармонично дополняют друг друга.

Тургенев убедительно показал в «Записках охотника», что крепостной крестьянин жертва не только барина-помещика, но и его помощников — приказчика, старосты, бурмистра.

Под арестом, в полицейском участке, Тургенев продолжал работать над антикрепостнической темой. Здесь он написал рассказ «Муму», в котором старая барыня по характеру напоминает его мать — ревнивая, деспотичная, волевая. В основе рассказа — живой случай, имевший место в ее жизни.

Образованнейшего дворянина И.С. Тургенева, равно как и Пушкина («Евгений Онегин»), Лермонтова («Герой нашего времени»), Гончарова («Обломов») и других демократически настроенных писателей, волнуют и такие животрепещущие проблемы российского общества XIX века, как тема вырождения дворянства, когда-то ведущей силы общества — «лишних людей», бесплодно пытавшихся взять на себя просветительскую миссию. Но при этом Тургенев видел и показал в своих произведениях и положительные черты образованной части дворянства — честность, порядочность, простодушие, чувство справедливости, благородство. Его герои — честный и благородный Каратаев («Петр Петрович Каратаев»),

порядочный и справедливый Чертопханов («Чертопханов и Недоноскин») – люди образованные, гордые, они выделяются своими положительными качествами характера из среды большинства дворян. Но у них нет будущего, они в жизни неудачники, т.е. «лишние люди».

Тургенев продолжает разработку этой важной темы в романе «Рудин» (1856). Но идеалы Рудина слишком общи, лишены конкретного наполнения и оторваны от самой жизни, что и обуславливает их бесполезность. И в этом смысле Рудин, равно как Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, Печорин в «Герое нашего времени» Лермонтова, Онегин в «Евгении Онегине» А.Пушкина, – «лишние люди», бесполезные обществу. И в то же время Рудин и ему подобные все же оказывали и положительное влияние на развитие передовых идей своего времени. Характеризуя личность Рудина, учитель Басистов, выражающий взгляды демократически настроенной интеллигенции, подчеркивает: «...Этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя». Но при этом сам герой – Рудин – бездействовал, не находил, да и не искал своего активного места в общественном движении России.

Национальные и общечеловеческие проблемы поднимает и художественно исследует Тургенев и в таких произведениях, как «Отцы и дети», «Ася» и других, ярко и психологически убедительно раскрывает характеры положительных и отрицательных образов. Автор создает такие живые картины жизни дворянского общества, в которых герои, симпатичные или антипатичные автору, предстают перед читателем в полном объеме их страстей и переживаний.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ «АСЯ»

...Я читал недавно кое-что из твоих повестей... Тон их удивителен – какой-то страстной, глубокой грусти. Я вот что подумал: ты поэт более, чем все русские

писатели после Пушкина, взятые вместе. И ты один из новых владеешь формой — другие дают читателю сырой материал, где надо уметь брать поэзию... Но прошу тебя — перечти «Три встречи»¹, — уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределенные и прекрасные по своему безумию порывы юности, в эту тоску без тоски — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившего — как твое — любовью, страданием и всякой идеальностью.

*(Н.А. Некрасов — И.С. Тургеневу,
7 апреля 1857 г.)*

Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке.

Вечер был прелестный. Ни об чем не думая, лежал я в лодке, дышал теплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие ее отношения к старухе, — и так, тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула² рассказа.

*(И.С. Тургенев в воспоминаниях
современников.
М., 1969, т. 11, с. 68.)*

...я писал ее («Асю») очень горячо, чуть не со слезами...

*(И.С. Тургенев — Л.Н. Толстому,
8 апреля 1858 г.)*

¹ Повесть И.С. Тургенева.

² *Фабула* — здесь: содержание событий в их последовательности.

...она (повесть) прелесть как хороша. От нее веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлась эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте.

(Н.А. Некрасов — И.С. Тургеневу,
25 декабря 1857 г.)

АСЯ

I

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н.Н., дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы еще не успели завестись — я жил без оглядки, делал, что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придет время — и хлебца напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея¹ возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошел в дрезденском «Грюне Гевёлбе»². Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых

¹ *Лонлакей* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

² «*Грюне Гевёлбе*» («Зеленый свод» — нем.) — название коллекции ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

ее красот, необыкновенных гор, утесов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно; мне было весело идти туда, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения; я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почел долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»¹ — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие каменья мостовой четко рисовались в ее неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно,

¹ «Добрый вечер!» (нем.).

весь облитый ее светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробежало в тени около старинного колодца на трехугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле все глубже и глубже дышала, и слово «Гретхен»¹ — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером я сидел на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мной белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытасченной на берег и опрокинутой насмоленным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

¹ *Гретхен* — героиня трагедии Гете «Фауст», символ молодости и красоты.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (*Landsmannschaft*). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки¹, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*², *Gaudeamus*³, курят, бранят филистеров⁴; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без

¹ *Венгерка* — куртка особого покроя.

² *Landesvater* — старинная немецкая песня («Отец подданных»).

³ *Gaudeamus* (лат. «будем веселиться») — старинная студенческая песня.

⁴ *Филистер* (нем.) — обыватель, мещанин.

причины — лучший смех на свете — все это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперед — куда бы то ни было, лишь бы вперед, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольна тебе? — вдруг произнес за мною мужской голос по-русски.

— Подождем еще, — ответил другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть ее лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка. Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нем. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас

или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрой, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то свое, особенное, в складе ее смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита. Она несколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Ася, пойдём домой?

Девушка утвердительно кивнула головой.

— Мы живем за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Через низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все еще обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин открыл ее и повел нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зеленых лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усыпанной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми черными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несет молоко. Guten Abend Madame!..¹ Мы

¹ Добрый вечер, мадам!.. (нем.).

сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася ее нашла, — отвечал Гагин. — Ну-ка, Ася, — продолжал он, — распорядись. Вели все сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, — чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя ее было Анна, но Гагин называл ее Асей, и уж вы позвольте мне ее так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоем несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; ее черные волосы, остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ежиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша все продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна¹; мы ее распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки ее казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; однако я видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец, луна встала и заиграла по Рейну; все осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин. <...>

XX

...Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновенье...

XXI

Когда на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нем были раскрыты и дверь тоже была раскрыта...

¹ *Рейнвейн* — сорт виноградного вина (букв. — рейнское вино).

— Уехали! — брякнула служанка... — Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Постойте, ведь вы, кажется, господин Н.? К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?... — Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне все сказала; для ее спокойствия я должен был уступить ее повторенным, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить ее у меня...»

Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну...

...Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидал в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра...

... — Возьмите.

Я взял записку: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю ее...

В тот же день я вернулся с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кельн...

XXII

В Кельне я попал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться, наконец, от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Темные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она...

...Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал ее в лучшую пору моей жизни, какую я ее видел в последний раз, наклоненной на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашел, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслью, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным... Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремленных на меня глаз, ни на чье сердце, припавшее к моей груди, не отвечало мое сердце таким радостным и сладким замиранием! Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, ее записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так легкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1875 г.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете роль Гагина в произведении «Ася»?
2. Расскажите на уроке, какое отношение сложилось у вас к образу Аси.

3. Раскройте композиционную роль господина Н. в повести «Ася».

4. Напишите домашнее сочинение на тему: «Поэтически яркий образ природы и ее влияние на господина Н.». Как вы оцениваете его слова: «Природа действовала на меня чрезвычайно».

5. Вчитайтесь в образ Аси, напишите чем и как господин Н. объясняет «странности» в ее характере и поведении.

6. Примите во внимание (подтвердите или опровергните) следующие высказывания русского критика о героях повести:

«Ася является в повести Тургенева восемнадцатилетней девушкой; в ней кипят молодые силы, и кровь играет, и мысль бежит, она на все смотрит с любопытством, но ни во что не вглядывается; посмотрит и отвернется, и опять взглянет на что-нибудь новое; она с жадностью ловит впечатления, и делает это без всякой цели и совершенно бессознательно; сил много, но силы эти бродят. На чем они сосредоточатся и что из этого выйдет, вот вопрос, который начинает занимать читателя тотчас после первого знакомства с этой своеобразной и прелестной фигурой...

...Что же касается до тестообразного г. Н., то он поступил так замысловато и вследствие этого так глупо, как может поступить только существо, лишенное плоти и крови или одаренное весьма жалкою дозой крови плохого достоинства... У него все перепутано: чувство врывается в процесс мысли, мысль парализует чувство... Это — ходячая теория, человеческая голова на курьих ножках, выжатый лимон без соку, без вкуса и без остроты».

(Д. И. Писарев. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова.)

Сложные отношения связывали И.С.Тургенева с его младшим современником Л.Н.Толстым. Тяга друг к другу, горячая дружба сменялась годами охлаждения и даже разрыва.

В 1857 году, в год создания «Аси», Тургенев вместе с Толстым и Некрасовым был в Париже. Это с Толстым он позднее в письме поделился раздумьями о повести «Ася». Уже будучи глубоким стариком, Л.Н.Толстой написал рассказ «После бала», где тоже поведал историю несчастной любви молодого человека. Конечно, произведение Толстого совершенно оригинально и создано отнюдь не под влиянием повести Тургенева. Но, вчитавшись, мы неожиданно обнаруживаем общие черты в биографиях героев и даже в построении произведений. Видимо, писателей привлекали некоторые сходные характеры и жизненные проблемы.

Советуем прочитать

Повести И.С.Тургенева «Андрей Колосов», «Три встречи», «Часы».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО	7
Русские исторические песни.....	8
Взятие Казанского царства	10
Глава 2. ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ	12
Житийная литература	12
Аввакум	13
Из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»	14
Повесть о Шемякином суде	20
Глава 3. ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА	
А.С. ПУШКИН	24
Повесть «Капитанская дочка»	26
Правда и художественный вымысел в повести «Капитанская дочка»	30
Капитанская дочка	34
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ	122
Лирика М.Ю. Лермонтова	128
Соседка	131
Узник	133
Сосед	133
Желанье	134
Кавказ	135
Завещание	136
Поэма «Мцыри»	137
Мцыри	141
Н.В. ГОГОЛЬ	155
Комедия «Ревизор»	157
Ревизор	159
И.С. ТУРГЕНЕВ	220
Из истории создания повести «Ася»	225
Ася	227

Варфоломеев И.П. и др.

В 18 Литература: Учебник-хрестоматия для 8 класса.
В 2-х частях. Ч. 1. / И.П. Варфоломеев, Н.М. Мир-
курбанов, Н.А. Чекулина, Н.Ф. Боярская; — Т.:
«Узбекистан», 2019. — 240 с.

1.1,2 Соавт.

ISBN 978-9943-01-538-8

УДК 821. 161.1(075)

ББК 83.3(Рус)я721

Ivan Pavlovich Varfolomeyev,
Nasirulla Mirsultanovich Mirkurbanov,
Nina Aleksandrovna Chekulina,
Natalya Fyodorovna Boyarskaya

LITERATURA

Ta'lim rus tilida olib boriladigan umumiy o'rta ta'lim
maktablarining 8-sinfi uchun ikki qismli
darslik-xrestomatiya

Yettinchi nashri

I-qism

Оригинал-макет подготовлен
издательско-полиграфическим творческим домом «Узбекистан»
Агентства информации и массовых коммуникаций
при Администрации Президента Республики Узбекистан.
100011, Ташкент, ул. Навои, 30.

Редактор	<i>О. Вульф</i>
Художник	<i>В. Лебедев</i>
Художественный редактор	<i>Х. Кутлуков</i>
Технический редактор	<i>Т. Харитоновна, Л. Хижова</i>
Младший редактор	<i>М. Салимова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ф. Батырова</i>

Подписано в печать 26 апреля 2019 года. Формат 60x90^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Антиква».

Условно-печатных листов 15,0. Учетно-издательских листов 14,51.

Тираж 69 086. Заказ № 93.

Отпечатано в ИПТД имени Г.Гуляма Агентства информации и массовых
коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан.
100128, г.Ташкент, ул. Лабзак, 86.

**Сведения о состоянии учебника,
выданного в аренду**

№	Имя, фамилия ученика	Учеб- ный год	Состоя- ние учебни- ка при получе- нии	Подпись классно- го руко- водителя	Состоя- ние учебни- ка при сдаче	Подпись классно- го руко- водителя
1						
2						
3						
4						
5						
6						

Таблица заполняется классным руководителем при передаче учебника в пользование и возвращении назад в конце учебного года. При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии

Новый учебник	Состояние учебника при первой передаче
Хорошо	Обложка цела, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на страницах нет записей и помарок.
Удовлетворительно	Обложка не смята, слегка испачкана, края стерты. Вырванные страницы восстановлены пользователем, но некоторые страницы исчерчены. Учебник реставрирован.
Неудовлетворительно	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых вообще не хватает, имеющиеся исчерчены, испачканы. Учебник к дальнейшему пользованию не пригоден, восстановить нельзя.